

НАТАЛЬЯ НЕСТЕРОВА

Воспитание мальчиков

Наталья Нестерова

Воспитание мальчиков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=632395

*Воспитание мальчиков: АСТ, Астрель; Москва; 2011
ISBN 978-17-070788-1, 978-5-271-31625-8, 978-5-17-070791-1,
978-5-271-31624-1*

Аннотация

«И жили они долго и счастливо!» – именно так заканчиваются большинство прекрасных историй о любви... Поймите, но где же подробности!? Новую книгу Натальи Нестеровой можно смело назвать «жизнь после свадьбы».

«Воспитание мальчиков» – уникальная книга, однако не совсем о воспитании и не только о детях. Каждое слово тут – о любви. И, читая ее, все становятся чуточку счастливее. Это ретроспектива семейной жизни – от бабушки к молодой маме. Лихие 90-е, голодные 80-е. Уморительно смешные, романтические и драматические истории, каждая из которых увлекательнее любого романа! Трудный путь, пройденный не без боли и слёз. Впрочем, все преодолимо, если ваши помощники – доброта и надежда!

Содержание

От автора	4
Иксы и игреки	7
Кормление по науке	15
Большая разница	23
Прогнозы отменяются	47
Прогнозы отменяются (продолжение)	62
Бить или не бить	75
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Наталья Нестерова

Воспитание мальчиков

Моей семье

Родным – здравствующим и ушедшим

*Тем, кто появится на свет и продолжит наш
род*

От автора

Самые популярные вопросы писателям: «Почему вы начали писать?» и «Откуда вы берете сюжеты?» Космонавтов или летчиков не спрашивают, почему они летают. И так ясно: с детства мечтали. С писателями то же самое: многолетний неукротимый зуд мараить бумагу. Когда я говорю, что сюжеты придумываю, что фантазирование – самая интересная часть работы, мне, похоже, не очень верят. Хотя лукавлю я всего на один процент: девяносто девять процентов – моя выдумка, один процент, чуть-чуть, – подсказки из жизни. В свою очередь, в этом одном проценте громадная доля принадлежит подсказкам из жизни двух моих сыновей, чье детство – неистощимый источник моего вдохновения.

В жизни всякого человека есть свои «до» и «после». До написания романов я занималась воспитанием мальчиков. После того, как младший сын поступил в университет, все-

рье занялась писательством. Когда в семье два журналиста, не хватает только писателя. Потому что журналисты большей частью пишут дома, ночью, на кухне, а самая благодатная обстановка в семье, как известно, бывает, если работу не тащат домой. В этом отношении повезло металлургам и артиллеристам. С другой стороны, вот уже восемь лет я наслаждаюсь возможностью ходить на работу в комнатных тапочках – к письменному столу.

Когда мои дети были маленькими, я терзала друзей и знакомых рассказами о проделках своих сыновей. И однажды мой учитель от журналистики Юлий Васильевич Сафонов сказал: «Тебе надо писать книги про счастливых матерей и детей, про счастливые семьи». В ответ я помотала головой: «Про счастливых писать неинтересно, да и трудно. Когда нет драмы, страстей и противостояний – про что вести речь? Сюжет держится на конфликте, а в счастливой семье можно найти только самый скучный из конфликтов – хорошего с лучшим». Но спустя много лет я обнаружила, что единственные герои, мне интересные, – это добрые, простые, душевные люди. Не злодеи, не убийцы, не воры и прочие преступники, а люди с неизвращенным понятием о чести, долге и ответственности. Этих героев рождала моя авторская фантазия, но и в реальной жизни их – подавляющее большинство.

Взявшись за книгу про взросление сыновей, я не стремилась ответить на вопрос: «Как надо воспитывать мальчиков?», а только написала, как у меня получалось справлять-

ся с их трудными характерами.

Иксы и игреки

О дочери я, кажется, начала мечтать, первый раз взяв в руки молочно-резинового пупса. Играла в куклы едва ли не до десятого класса. Потом мои любимицы долго покоились в пыльных коробках, пока не сгнули при очередном переезде. С годами мечта только крепла.

Когда у меня родилась внучка и я первый раз ее увидела – семидневную, черноволосенькую, с красным младенческим личиком, – спящую в коляске на лоджии в квартире родителей невестки...

Разрыдалась:

– Я мечтала о тебе пятьдесят лет!

За спиной раздался недоуменный шорох непроизносимых мыслей родных и близких. Пятьдесят лет – это слишком! Ей (мне) всего-то чуть за полтинник.

Именно так! Мне всю сознательную жизнь казалось: если удастся повторить мое общение с мамой, пред которым меркнут любые высокие слова, с которым не могут сравниться никакие дружбы, – жизнь моя пойдет правильно, состоится.

Не вышло.

Родился первый сын. Ладно, мужу приятно. Мужчины почему-то до сих пор пребывают в средневековом стремлении иметь наследника. Хотя не короли и не магнаты. На самом

деле, грезят о преемнике. В высоком смысле – ученике, преемнике идей и теорий. Родные дети, как правило, преемниками не становятся. На них столько времени убьешь, пока научишь утром и вечером зубы чистить, домашние задания исправлять, что уж не до теорий.

В период второй беременности уже появилось ультразвуковое исследование.

Водит доктор по моему большому животу приборчиком и спрашивает:

– А вас не интересует: мальчик или девочка?

– Спасибо, я знаю.

– Как угодно.

Решил, видимо, что я из тех невежд, что определяют пол ребенка по форме живота. Но я руководствовалась совершенно другим. Во-первых, немного нагрешила, чтобы провидение обошлось со мной сурово. Во-вторых, уж сколько месяцев наблюдаю, как родня в застолье поднимает тосты за мою грядущую девочку:

– Теперь – за Тонечку!

И все дружно сдвигают рюмки, бабушки затыкаются, хотя принесли чай с домашними тортиками и были готовы решительно пресечь излишнее потребление спиртного. Но за Тонечку – это святое.

Выбранное имя – Тоня – в честь бабушки мужа, которая умерла незадолго до моего появления в их семье. Я столько

добрых слов слышала о бабушке Тосе, что считала справедливым отдать дань её памяти. Да и нравилось обилие вариантов: Антонина, Тоня, Тося, Тонюля.

Тонюля практически жила в нашей семье. Когда меня тошнило по утрам, муж говорил: «Тоська чего-то несвежего поела». Старший сын, трехлетний Никита, постоянно тыкал в мой живот и спрашивал: «А что сейчас Тоня делает?» В зависимости от времени суток, Тоня призывала его убрать игрушки, или не размазывать кашу по тарелке, или отправляться спать без хныканья и капризов.

Из-за сложностей со здоровьем меня упекли в больницу за месяц до родов. В те времена общение с пациентками дородового отделения и роженицами было как с заключенными в тюрьме. Проще говоря, совершенно не было. Свидания отсутствовали, разрешалось обмениваться записками и видеть друг друга издали. Женщины прилипали к окну на пятом этаже, родные, задрав головы, стояли на земле. Летом спасали открытые форточки, зимой мучило отсутствие навыков общения глухонемых.

Никите тем холодным декабрем страшно надоело каждый день ездить с бабушкой или с папой к больнице, смутно видеть меня в окне пятого этажа.

Поэтому он вопил:

– Мама, выходи! Покажи Тонечку!

Как-то в нашу палату заглянула терпивица из соседней палаты. То есть – женщина на сносях, которая чувствует себя

нормально, но анализы плохие, и врачи предпочли замуровать ее в госпитальных стенах.

Подошла к окну и протяжно, с тоской унылой, проговорила:

– Вот опять этот мальчик в черной шубке. Сейчас будет Тонечку просить.

И тут же звонкий Никитин голосок, долетев, ударил в стекла:

– Мама! Мама!

Подскочив к окну, я развела руки в стороны: никаких изменений.

– Где Тонечка? – орал Никита. – Сколько ждать? Чего она там сидит и не вырождается?

И вот, наконец, роды.

У меня еще зеленые круги перед глазами, дыхание как у тяжелоатлета, который без перерыва штанги рвал.

– Мальчик, – говорит акушерка.

– Ош-ош-баетесь, – возражаю, заикаясь.

– Смотри! – Ребеночку задирают ноги, показывая неопровержимое доказательство.

– Вс-вс-все равно! – упорствую я. – Де-де-девочку хочу!

– А этого куда денем? – веселясь, спрашивает врач акушерку.

– Может, обратно затолкаем? – подхватывает акушерка. – Авось рассосется.

Потом они возятся со мной, с ребеночком и говорят о том, что на нас не угодить. Вот туркменка Зыба у них седьмую девочку рождает. Муж Зыбы сына хочет, а туркменка каждый год по девице выдает. Он ей ультимативно заявил: будешь рожать до мальчика, хоть два десятка. Двадцать погодков-девиц в малогабаритной квартире – это, конечно, впечатляет.

Был поздний вечер, акушерка откликнулась на просьбу позвонить ко мне домой и сообщить о новорожденном.

Дальнейшее я знаю в пересказах.

Муж положил трубку, забыв поблагодарить. Уставился ту-по в стенку. Мама, тетя, двоюродная сестра, свекор, который у нас гостил, смотрели на него выжидательно. Муж молчал.

– Наташа родила? – потеряла терпение сестра.

– Да, – пробормотал муж.

– Она жива? – напряглась мама.

– Да.

– А ребенок?

– Три восемьсот. Но мальчик.

– Опять? – ахнула сестра.

Некоторое время все переваривали информацию. Более всего их заботило мое душевное самочувствие: Наташа так мечтала о девочке. Словно ребенок – это новогодний подарок, выписанный по каталогу.

Паузу нарушил свекор, разумно спросивший:

– За внука и не выпьем?

Его поддержали. В смысле – поставили на стол резервную

бутылку хорошего коньяка.

Наутро, физически пребывая в ослабленном состоянии, но морально – в клокочущем, я написала мужу злую записку. Я тебе не туркменка Зыба! Прекрасно знаю, что пол ребенка полностью зависит от мужчин! Они, конечно, не вольны управлять своими хромосомами. И все-таки пусть несут ответственность!

«Ты мне что обещал? – в частности, писала я. – Прежде чем обещать, сделал бы анализ! У тебя избыток игреков в хромосомах при трагическом недостатке иксов! Не то что у туркмена!»

Муж ответил, в частности: «Про туркмена не понял. Наш век – век специализации. Специализация – гарантия качества. Мы специализируемся на мальчиках».

Как в воду глядел.

Забегая вперед, скажу, что младшенький, Митя, с пеленок проявлял недюжинные интеллектуальные способности. Я сделала все возможное, чтобы затормозить его развитие, не превратить в вундеркинда, обеспечить счастливое детство. Но Митя все-таки перепрыгивал в школе через класс и в пятнадцать лет поступил на факультет вычислительной математики МГУ, который блестяще окончил.

Я крестилась:

– Господи, спасибо, что мальчик! Рост метр девяносто восемь, центнер веса, ум развитый, знания обширнейшие, чувство юмора убийственное. Будь он девочкой – никогда бы

замуж не выдали. Кто бы взял?

С Никитой, старшим, та же картина. В девичьем обличье это была бы красотка-модель: длинноногая, с двумя образованиями – юридическим и экономическим, с успешной карьерой и большими претензиями. Она разбивала бы сердца, перешагивала через поклонников и в итоге вышла бы замуж за проходимца с хорошими актерскими способностями.

А у нас сложилось – счастливо! Мальчики выбрали девочек, в которых я души не чаю. Не совсем что бы дочери, но периодически хочется выхватить их, оторвать, чтобы пожить с нами, забыли про всех, принадлежали бы только мне с мужем. Вставали бы утром, со сна с пухленькими щечками, брели на кухню, наливали чай, отхлебнув, оставляли, шли в ванную и сидели там по часу (что столько времени отмыкать?). Выходили, я новый чай грела бы. Они не давились бы моими бутербродами и яичницами, а капризничали:

– Сколько раз повторять? Только обезжиренные сливки надо покупать.

– Если из сливок убрать жир, – ворчала бы я, – то это будут вовсе и не сливки, а молочное пойло.

Легко ворчать на дочь. Но свекрови ворчать на невестку – записать себя в зануды.

Потом они собирались бы на работу. И по дому растекался бы чудный запах: духов, косметики – и чего-то неуловимого, юного и прекрасного, будоражащего, хмельного и отчасти нервного, эмоционального, – что может источать толь-

ко красивая молодая женщина.

Но до невесток еще требовалось дожить.

Когда Митю принесли домой, развернули, Никита посмотрел на брата и сказал, скривившись:

– Обещали Тонечку, а тут пельмень какой-то. Хотите, два дня в углу простою? Только поменяйте на Тонечку.

Его в пять глоток стали убеждать, что братик – даже лучше, чем сестричка.

На что Никита справедливо заметил:

– А зачем все время про Тонечку разговаривали?

Кормление по науке

Любая мать, вспоминая о периоде, когда весь мир концентрировался для нее в новорожденном дитянке, расскажет вам про дикие страхи, про страшные подозрения в недугах, про немоту отчаяния и про вопли о помощи. У меня через три месяца после рождения Никиты появились седые волосы. Мне было двадцать два года.

Никита орал, не переставая. Спал три-четыре часа, днем, естественно. Остальное время вопил. У нас не закрывались двери – приходили врачи, глубокомысленно ставили диагнозы один страшнее другого. Нас трижды клали в больницы и выписывали как не оправдавших диагнозы. Никита кричал и кричал, видя его корчи, я сходила с ума.

Женя, мой муж, обладает развитым чувством юмора, которое не только помогает шуткой погасить зарождающийся конфликт, но и оказывается незаменимым в эмоционально тяжелой ситуации. Ночь мы делили по три часа: сначала я качаю Никиту, потом Женя, потом мама, затем снова я. Но какой сон, когда ребенок вопит? И вот сижу я на постели, раскачиваясь от громадного желания поспать и от невозможности его осуществить. Женя ходит с ребенком по комнате, трясет его как неодушевленное полено. Никита плачет, ему хоть бы хны, привык к перегрузкам.

– Наташ, а может?... – спрашивает Женя.

Подходит к косяку двери и показывает, будто с размаху бьет головой ребенка об угол, роняет младенца на пол, смотрит радостно – замолк.

Это было настолько мастерски сыграно, настолько абсурдно, что я расхохоталась в голос, чувствуя, как тугая пружина перетянутых нервов отпускает. Многого забылось, но этот эпизод остался в памяти как маяк: иногда надо посмеяться, чтобы воскреснуть, даже благодаря черному юмору стряхнуть с себя путы тревог. Чтобы просто дышать. Потому что бездыханная мама ребенку не нужна.

Неуместный заливистый смех разбудил мою маму. Она выскочила из своей комнаты, хотя до дежурства ей оставался еще добрый час отдыха.

– Что тут происходит? Наточка, ты с ума сошла? Не во время, доченька. Почему ты смеешься? Ребенок-то плачет! Дайте мне его. Господи, веселятся! Если вы решили чокнуться, то, пожалуйста, подумайте о своем сыне. Иди ко мне, маленький! Иди ко мне, родненький! – Забирает у мужа туго спеленатого Никиту. – Ну, что ты плачешь, кровиночка? Бабушка тебе сейчас пустышечку даст.

Мы с Женей падаем на кровать: он – замертво, я – накрыв голову подушкой. Надо поспать, обязательно поспать, иначе сил для следующего дежурства не будет.

После врачей началось время знахарей, потому что Никита наорал себе грыжи.

Кроме меня и младенца, все были членами КПСС: муж,

две бабушки, дедушка. Знахарей и колдунов поставляла моя свекровь. Остальные партийцы делали вид, что не замечают мракобесия. К тому времени я вызубрила учебник по педиатрии, огорошить меня плохими анализами было сложно, имелись описанные исключения из правил. И я прекрасно знала, что грыжи поддаются заговорам по простой причине: сами по себе зарастают в девяносто процентах случаев. Так что: заговаривай не заговаривай, успех практически обеспечен. Но оставалась иррациональная надежда (сродни вере в гороскопы или предсказаниям судьбы по линиям ладони), что очередной дедок или старушка помогут избежать операции. Тогда, кстати, корпулентные женщины-экстрасенсы с вычурными именами не забивали газеты предложением своих услуг, потомственные колдуны не предлагали излечить все и сразу, приворожить, отворожить и самое смешное – отрубить энергетический хвост. В то время ставка делалась на деревенских знахарей преклонного возраста, слава о которых передавалась из уст в уста.

Среди заговорщиков грыж типы попадались презабавные. Помню дедка, который, после невнятного бормотания над Никитой-младенцем,пил чай и откровенничал:

- Женщина со мной живет. У нее рожа.
- Некрасивая? – уточняю.
- Рожа не на лице, а на ноге. Заболевание такое. Терпение у Дуси от моего характера кончится, она и уйдет, дверью хлопнет, а рожа тут как тут. Вспыхивает, нога язвами

покрывается и боли отчаянные.

Про боли он говорит с изуверским удовольствием и хвастается:

– Только я заговорить могу!

Еще была старушка, которая потребовала для обряда заговора грыжи яйцо, которое курица снесла не позднее, чем два часа назад. Мы тогда жили в Ленинграде, в коммуналке (зато третий дом от Зимнего по Адмиралтейской набережной). Где, скажите, найти свежеснесенное яйцо? Но моя свежеснесенная кровь нашла. Если внукам что-то требуется у ядра земли, бабушка Алиса докопается до ядра.

Заговоры не помогли, операцию пришлось-таки делать, в девяносто процентов мы не попали.

В причине круглосуточного Никитино крика мне признаться стыдно. Ситуация, когда науке веришь больше, чем здравому смыслу. Тогда была популярна теория одного академика от педиатрии, что все проблемы детей – в перекармливании. Районные и прочие доктора твердили: сто тридцать граммов еды за кормление! И ни капель больше! Мы верили...

Сложность заключалась еще и в том, что у меня было мало молока. Не просто мало, а ничтожно. Редко завидую людям, чаще – радуюсь за них. Но к матерям, которые могли накормить собой, своим молоком, испытывала настоящую биологическую зависть. И пыталась исправить врожденные де-

фекты. Что со мной только ни делали! Массировали руками и ультразвуком, заставляли литрами пить жидкости, кололи гормоны. В результате, после гормонов, у меня потемнели волоски на ногах и под носом, а молока не прибавилось. Большое спасибо науке!

С ужасом вспоминаю моменты: Никита орет, извивается, мы с мамой качаем его, трясем, смотрим на часы: еще сорок минут до кормления. За двадцать минут все-таки не выдерживаем и даем младенцу рожок – строгие сто тридцать граммов, которые он засасывает мгновенно. Три секунды помолчал – и снова в крик.

Разрешилось все по ошибке. Я тогда училась на пятом курсе университета. Точнее сказать – числилась, на занятия, естественно, не ходила. Какие лекции или семинары, когда ребенок круглосуточно вопит! Руководитель диплома возмутился – полгода меня не видел! Передал через мужа пожелание наконец встретиться со мной. Я сгоняла в университет, отсутствовала два часа. Вернувшись, нахожу дома странную тишину и взволнованную маму.

– Что с Никитой?

– Кричит и кричит, – оправдывалась мама, – а пеленки в баке на плите кипят, убегают, соседские конфорки заливают... Словом, я нечаянно дважды его покормила. Дала из одной бутылочки, а потом забыла и снова из другой бутылочки покормила.

Я бросилась к детской кровати. Никита счастливо спал.

Взяв двойную норму, впервые за пять месяцев жизни наелся и отдыхал.

Стоит ли говорить, что в последующей жизни мы кормили детей со всем возможным изобилием? Сейчас, когда дылды – Никита и Митя – оказываются рядом с мамой и папой, которые тоже не хрупкие создания, нас спрашивают:

– Как вы вырастили таких богатырей?

Я, потупив взор, скромно отвечаю:

– Мы их кормили.

Чистая правда. Мои растущие сыновья были топками по переработке пищи, калорийной и сбалансированной настолько, насколько позволяли продукты из наших магазинов.

Когда, после эпохи дефицита, потом полнейшей бескормизны девяностых, проклюнулась эра изобилия, у меня еще долго оставался рефлекс: выбросили – хватай! Видишь замороженную селедку (странно, думала, только иваси в океанах остались) – хватай, засолить самой, подружки рассказывали, – объедение; зефир в шоколаде – беру; хвосты говяжьи (на холодец) – беру; сосиски, сардельки, сыр, колбаса (без разбора сортов и видов) – беру, на все имеющиеся деньги пробиваю в кассе. Однажды в магазине у метро «Красногвардейская» затоварилась – только в зубах сумки не несла. А с черного входа в магазин распродавали болгарский зеленый горошек. Вы помните? Банки по восемьсот граммов, крышки

завинчивающиеся, потом для летнего консервирования отлично подходят. Горошек явно левый, иначе почему продают из двери подсобки и не ограничивают количество банок в одни руки? Но нам не до законности, когда можно продукты отхватить. Стоим мы с одной женщиной, точно как и я нагруженной под завязку, купить не можем – руки кончились, и уйти обидно – тут выбросили, а я прошляпила? Мы купили-таки запаянные в полиэтилен упаковки по восемь банок. И толкали их. Ногами. Зима, гололед, скользко, не так уж и тяжело, даже весело. На перекрестке возникла проблема. Футболить зеленый горошек по шоссе опасно. Что делать? Выкрутились, сообразили, определили последовательность действий: я сторожу, она переходит – бросает на той стороне улицы свою поклажу. Возвращается и берет мои покупки. Дождается интервала в движении транспорта и перебегает дорогу. Теперь моя очередь переправить зеленый горошек. Сцена форсирования проезжей части советскими женщинами-добытчицами.

К моменту рождения второго ребенка, зная, что молока у меня не будет, я предусмотрела возможность покупки через детские молочные кухни донорского молока. До трех месяцев Митю кормили чужим грудным молоком. Далее не могли – денег катастрофически не хватало. В романе «Уравнение со всеми известными» я отчасти воспроизвела эту ситуацию. В книге описывается кормилица с невероятно громад-

ными молочными железами, сцеживающая молоко, которое пенится, точно из коровьего вымени выстреливает. При этом кормилица рассказывает, как зарабатывает на своем молоке: «Пальто зимнее купила, сервант мы справили, ребятишкам по мелочи, теперь на „Запорожец“ копим». В реальной жизни я никогда не видела женщину, выкормившую моего сыночка. Про ее заработки слышала от медсестры, которая и к нам приходила, и к ней. Меня тогда потрясла превратность бытия. С одной стороны – кормящая женщина – туповатая, недалекая, приземленная. Возможно, алчная и циничная. С другой стороны – мой сынуля, которого эта женщина кормила в крайне важный младенческий период. Мы получали ее молоко на детской кухне – уже в бутылочках, уже стерилизованное, платили в кассу. Незнакомка, благодаря которой Митя, возможно, выжил. Он заболел тяжелым бронхитом через неделю после того, как мы перестали покупать донорское грудное молоко.

Большая разница

Никогда не встречала родителей, которые утверждали бы, что характеры их детей схожи. Напротив, все говорят об обратном, даже родители близнецов. Мы находим общее в поведении, во внешности, в поступках с предками – мамами и отцами, бабушками и дедушками, но друг от друга братья или сестры, сестра от брата, брат от сестры отличаются заметно.

Отличия между Никитой и Митей стали проявляться с младенчества. Никита, как я говорила, орал благим матом с утра до вечера и с ночи до утра. А Митя спал. Ел и спал, практически не плакал. Мы перепугались не на шутку – что с ребенком? Особенно тревожно было ночью. Как я ни выматывалась за день, просыпалась среди ночи и расталкивала мужа:

– Он молчит. Почему он молчит? Вдруг умер? Подойди к нему, послушай, дышит ли.

Полусонный муж, в трусах и майке, не разлепляя глаз, брел к кровати, склонялся, пытался уловить дыхание сына:
– Вроде дышит.

Лишь задремлем, осторожный стук в дверь. Мама.

– Что-то у вас тихо. С Митенькой все в порядке?

Так ночами и бегали проверять его дыхание. Педиатр, которой я пожаловалась на странно тихий нрав ребенка, устало

сказала мне:

– На вас, мамыши, не угодить. Одна с ума сходит потому, что ребенок плачет, вторая – оттого, что молчит.

Врач не знала, что я первая и вторая в одном лице.

Наказание за плохое поведение в нашей семье оригинальностью не отличалось: «Марш в угол!» – и вся недолга.

Никита (от трех до семи лет) никогда не стоял в углу лицом к стенке, а только повернувшись в комнату. И через две минуты начинал возмущаться. Причем негодовал, подражая речи взрослых:

– Немедленно выпусти меня из угла! Я кому сказал? Сколько раз тебе нужно повторять? Быстро выпусти человека из угла! Тебе двадцать раз нужно повторять? Если ты сейчас же не выпустишь меня из угла, я буду разговаривать другим тоном!

– Это я буду разговаривать другим тоном, если ты не прекратишь молоть языком и не подумаешь над своим поведением, не попросишь прощения.

– Я подумал больше не буду простить пожалуйста, – все в одно слово и с пулеметной скоростью.

– Говори медленно и четко. Что-то мне подсказывает, что ты не осознал, какой дурной поступок совершил.

– Это что-то тебе подсказывает неправильно.

– Иными словами, ты хочешь сказать, что бросать на прохожих картошку в окно – это забавное хорошее дело?

– Нет, я хочу сказать, что нехорошее дело ставить челове-

ка в угол. Я могу возгедовать.

– Чего-чего сделать?

– Возгандедовать.

– Воз-не-го-до-вать, – поправляю, по слогам говорю. – Повтори.

Никита повторяет правильное произношение, мысленно я радуюсь, что ему легко дается трудное слово, что он знает его значение, и не замечаю, что сыночек снова втянул меня в диспут, не имеющий отношения к проступку и неотвратимости наказания.

Когда Никита в конце концов просит прощения и обещает больше ничего не бросать на головы прохожих из окна, я ему не очень верю. Не исключено, что завтра с балкона полетит ящик с цветами, а Никита скажет, что ящик сам оторвался и упал. И наши объяснения: так можно убить человека! – вызовут только интерес. Совсем убить? Насмерть? И я увижу по-настоящему?

О, эти детские вопросы! Брат мужа, Павел, когда общался с племянниками, подкупал их: за полчаса без вопросов – конфета.

Митя мог подолгу стоять в углу. Повернувшись носом в стенку, стоит и стоит, десять, двадцать минут... Я чувствую себя цербером, когда говорю:

– Ты что там пальцем ковыряешь? Не порти обои.

Или:

– Почему ты присел? В углу стоят. Может, тебе еще и

стульчик принести?

– Принеси, пожалуйста!

– Митя, это переходит все границы! Ты понимаешь, что тебя наказали?

– Понимаю.

– Ты понимаешь, что нельзя играть с документами? Нельзя трогать коробку, где лежат наши дипломы, свидетельства о рождении и прочее?

– Нет, не понимаю. Я даже не успел ничего в них нарисовать.

– Слава богу! Митя, документы – это очень важные бумаги...

В двадцатый раз я втолковываю, что испорченные документы могут осложнить жизнь, привожу примеры, но детская логика младшего сына не в состоянии увязать простые бумажки с серьезными проблемами.

Митя и сейчас не доверяет утверждениям, в которых нет логики или которые не подкреплены солидными научными доказательствами. Когда в октябре синоптики говорят, что зима будет суровой, Митя недоверчиво усмехается. Достоверность прогноза на неделю равна десяти процентам, на пять дней – пятнадцати, даже на сутки – всего тридцать процентов вероятности. Научного аппарата, способного предсказать погоду на несколько месяцев вперед, попросту не существует.

Между тем время обеда, а Митя по-прежнему стоит в уг-

лу. Потом для него отдельно разогреть? Кроме того, мне отчаянно жалко этого упрямца, у которого ноги подгибаются, а он не хочет просить прощения и осознавать свою вину.

Захожу с другой стороны. Метод, возможно, отдает педагогическим бессилием, но терпение мое на исходе.

– Митя, я хочу с тобой поговорить.

– Да.

– Повернись лицом, когда мама с тобой разговаривает. Митя, я хочу, чтобы ты просто поверил мне на слово – с документами играть нельзя. Поверь мне, потому что я твоя мама и зла нашей семье не желаю. Ведь не желаю?

– Конечно нет.

– Значит, ты даешь слово никогда больше не трогать коробку с важными документами? Митя, пожалуйста!

– Ладно.

– Вот и славно. Иди обедать.

Документы я, конечно, прячу в недоступное для детей место. Что следовало сделать раньше.

Если Митя дал слово, можно быть уверенным, что он его не нарушит. Если Никита что-то пообещал – это еще ничего не значит. У Никиты найдется десяток аргументов в пользу нарушения обещания. Не случайно из него вышел успешный юрист. Последнее утверждение – не более чем шутка, игра словами. И у Мити случалось в жизни, когда он наступал на горло своей правдивости, и Никита в профессиональных делах скрупулезно точен. Но о том, как мы ставим штампы

детям, я поговорю позже.

Когда дети болеют, сердца родителей превращаются в воск. Лежит твой малыш с температурой под сорок, беспомощный, кашляющий, вялый, задыхающийся – и ты сама умираешь от щемящей жалости, от желания помочь крохе. У меня имелся непогрешимый показатель того, что кто-то из сыновей заболел, – они оставляли на тарелке еду или вообще отказывались принимать пищу. Если Митя или Никита не хотят лопать – значит, заболели. Еще первых симптомов не наблюдалось, но я звонила на работу и говорила, что с завтрашнего дня на больничном. Ни разу не промахнулась. Три дня, острый период, я – с малышом, даже маме не могла доверить, а потом уж она сама справлялась. Дети болеют часто, и работник, который постоянно отсутствует на службе, никому не нужен, как бы прекрасно он ни трудился.

Никита во время болезни становился ласковым и ластящимся котенком, которого надо держать на руках, баюкать, кормить с ложечки, постоянно при нем находиться и всячески лелеять. Заболевший Митя превращался в колючего ёжика, просил выйти из комнаты и оставить его в покое. Терпел необходимые процедуры, вроде принятия лекарств, банок или горчичников, а потом отворачивался к стенке и не реагировал ни на какие сюсюканья, они его раздражали.

Замечу, что точно так же вела себя во время болезни мама, и я, хворая, терпеть не могу навязчивого внимания. Мы

так злы на болезнь, на беспомощность, что едва сдерживаем рычание: «Надо будет, позову. Хватит меня спрашивать, как себя чувствую и что принести. Дайте выздороветь или умереть спокойно». Болезнь для нас – нечто крайне унижительное, с чем надо сражаться в одиночестве, внутри себя, а не на публике. Хотя я знаю очень много достойных людей, которые болеют театрально. Мой муж к этому типу людей не относится. Да и больничный он брал, кажется, не более трех раз. Но мне навсегда за помнились единственные слезы Жени, которые за тридцать два года совместной жизни я видела.

Прихожу домой, Женя лежит на диване, смотрит телевизор. На экране Людмила Зыкина поет: «Течет река Волга, а мне семнадцать лет...», по лицу мужа текут слезы! Я остолбенела. Женя! Критичный и жесткий, ироничный и подчас излишне суровый, человек, у которого под маской цивилизованной деликатности прячутся первобытные мужские качества, которого стреляй, но не поступит своими принципами, щедрый до безумия, но непримиримый к фальши. И он плачет?! Над старой песней?

Я несколько минут хлопала глазами, а потом нашла ответ: муж заболел.

– Да у тебя, наверное, температура! – воскликнула я и бросилась за градусником.

Не ошиблась. Температура тридцать девять и девять, жесточайший грипп. Во время болезни мой муж был тих и трогательно слаб, покорен и умилен – совершенно другой чело-

век. Когда на четвертый или пятый день болезни он спросил: «Трудно было догадаться купить мне свежие газеты?» – я поняла, что муж выздоравливает.

Деление людей на «сов» и «жаворонков» мне всегда казалось выдумкой лентяев, поводом отлынивать от утренних или вечерних обязанностей. Ведь если требуется, и ночь не поспишь, и встанешь ни свет ни заря. Но Никита был и остается не просто «совой», а королем всех «сов». Никогда не разговаривайте с Никитой о серьезных проблемах утром, ни о чем не просите – говорю я родным. Не просто бесполезно, а вредно: Никита будет огрызаться, нагрубит, испортит вам настроение на весь день. А вечером придет – душка душкой, готовый на любые самопожертвования. Еще и букет цветов в покаяние принесет. К двум часам ночи его активность достигнет апогея – хоть вагоны разгружать, хоть диссертацию писать. Потом он с трудом утомонится, чтобы утром сползти с кровати в полукоматозном состоянии, злым на весь мир и особенно – на проклятые будильники. Насколько серьезна его «совность», я поняла, когда едва не случилась беда.

Никите лет десять. Утро, собираемся в школу. Никиту разбудили, подняли, заставили одеться и умыться – все с постоянными понуканиями. Я поставила перед ним тарелку с завтраком, дала вилку. Хорошо, что не отлучилась, вовремя заметила. Сидит он за столом, держит вилку вертикально – рукоятка упирается в стол, зубья кверху. И засыпает, и скло-

няет голову: глазом опускается точно на зубья вилки. Я подскочила, выхватила вилку, от испуга заорала:

– Проснись немедленно!

Но в нашей жизни был период, когда Никита поразительным образом избавился от утренней сонливости. В народе этот период называют жениховство. Никита и Аня не могли расстаться до рассвета. Анины родители смиростивились: пусть Никита у них ночует. Однако Никита держал марку: в шесть утра уезжал от невесты, мчался домой, принимал душ, переодевался в свежую одежду. Я все заранее готовила, в том числе и громадный бутерброд, и чашку крепчайшего кофе.

Счастливый влюбленный, дожевывая бутерброд, допивая кофе, вылетал из дома, а я говорила мужу:

– Может, когда хочет, когда припечет по-настоящему. Всякую «сову» любовь сделает «жаворонком». Если, конечно, это настоящая любовь.

– Конечно, это настоящая любовь!

И муж показывал пальцем на путь следования Никиты: носки, рубашка, галстук, майка – все быстро скинутое валяется на полу поочередно. В ванной – словно безумный, но чистоплотный вандал побывал.

– Ты бы намекнула Анечке, – советовал муж, – мол, это у него временное отклонение, чтобы не обольщалась.

– Как ты можешь страстную любовь называть отклонением?

– У тебя есть другие определения? Мы хорошо знаем Ни-

киту. Кто обязан за ним убирать?

Кто-кто – конечно я. Занавоженные конюшни чистила бы, не разгибаясь, только бы увидеть, как мой сын не в луже мелких влюбленностей плещется, а плавает в океане настоящей любви. Дождалась – увидела.

Сегодня Аня лучше меня знает, каково с Никитой по утрам. Бедная девочка. Мне досталось его детство и юность, а ей – половозрелый несносный по утрам мужчина.

У Мити с рождения совиная или жаворонковская особенность отсутствовала. Он спал и бодрствовал в положенное, отведенное режимом время. Потом, в юности, перешел на молодежный график, когда ночью куролесят, а днем отсыпаются. Но Митя-ребенок никаких проблем с засыпаниями и просыпаниями не доставлял. Правда, когда научился читать, прятался с фонариком и книжкой под одеялом. Я караулила, подкрадывалась, откидывала одеяло, забирала «контрабанду» и говорила, что глаза испортит.

Глаза у всех испорченные – у мужа, у меня, у детей. Обладая от природы отличным зрением, мы ходим в очках. Близорукость слабая – минус полтора-два, ее называют школьной близорукостью. Следствие любви к чтению. Малая жертва за большое удовольствие.

Офтальмолог, выписывая очки моим детям, сказала:
– Хорошо, наверное, учатся. Двоечникам таких очков не

прописываем.

И тяжело вздохнула. А я мгновенно придумала сюжет: у офтальмолога есть ребенок – мальчик, который плохо учится и не любит читать. На работе врач постоянно сталкивается с детьми, которые свое замечательное зрение испортили чтением или занятиями с мелкими предметами, вроде вышивания у девочек или авто моделирования у мальчиков. Доктор переживает смятение чувств...

Сюжет обрывается, мне нужно найти «Оптику», где продается детская оправа не чудовищного старушечьего дизайна.

Такие сюжеты вспыхивали в моей голове постоянно. Вспыхивали и гасли, забывались. До написания книг, в которое и не верилось, оставалось много лет. Требовалось не фантазировать, а разобраться: способна новомодная гимнастика для глаз восстановить детям зрение и насколько стремительна приобретенная близорукость? Книги – подождут. Дети ждать не могут.

Сама я надела на нос очки почти случайно. В десятом классе – какой-то профилактический осмотр, диспансеризация. Нас сняли с уроков, привезли в поликлинику, прогоняют по врачам-специалистам. Впечатление – для «галочки». Разделся, оделся, перед носом молоточком поводили, по коленке постучали, фонендоскоп доктор к моей груди приставила, а сама с медсестрой разговаривает.

По вредности характера и устав бездушной заводной куклой из кабинета в кабинет перебегать, я офтальмологу говорю:

– Зрение у меня прекрасное. Но как-то в кинотеатре взяла очки у приятеля, примерила. Фантастично! Потом в театре, к нам приезжала киевская труппа, вы не ходили? Тоже попробовала через чужие очки на сцену смотреть. Биноколь отдыхает. Но зрение у меня хорошее.

– Киевскую труппу обсуждать не будем, – сказала доктор. – А если ты в очках видишь лучше, чем без них, зрение у тебя плохое.

Она мне выписала очки, но я их не носила, потому что в моей родной Кадиевке найти стильную оправу было невысказано. Только в Ленинграде, поступив в университет, я у спекулянтов достала то, что без потери для имиджа, а скорее для его улучшения, можно было нацепить на нос. Мир преобразился. Не в лучшую сторону. Одно дело – кино и театр, там просто на резкость наводится, лица актеров и декорации не расплываются. Но в жизни! Особенно женщины удручали: у них волосики на икрах ног и морщины на лицах! Со свойственной мне тогда снобистской лихостью я говорила приятелям, что для полной визуальной гармонии между мужчинами и женщинами надо запретить очки.

Вечная тема: отношения мужчин и женщин. И самое большое отличие в детстве между моими сыновьями, больших

тревог и нервов мне стойвшее.

Представьте, что у вас шестилетний ребенок, которого вы ведете из детского сада. Ваша голова забита бытовыми и служебными проблемами. Что там Никита лопочет? Прислушиваюсь.

– ...ты чувствуешь, какие женщины?

– Извини! Повтори, что ты спросил, – прошу я.

– Почему от женщин всегда приятно пахнет? Ты чувствуешь, какие они?

– Естественно. Пахнет, потому что женщины пользуются духами, им нравится, когда от них исходит приятный запах. Женщины как цветочки, – неосторожно добавляю я.

– Мужчины тогда кто? Пчелки?

– Не совсем так, Никитушка. Разве тебе хотелось быть насекомым? Летать, жужжать, и каждый мог бы тебя прихлопнуть легким движением кисти?

– Не хотелось бы, – соглашается Никита.

Я рано расслабляюсь, считая, что тема исчерпана, что можно предаться своим взрослым мыслям.

– Мама? – спрашивает Никита. – Когда тебя женщина берет за руку, ты испытываешь *это*?

Холодею, все посторонние мысли ветром выдувает из головы.

– Что *это*, Никитуля? Поясни мне, пожалуйста, подробнее. Ну... Ну, чтобы мы сравнили наши чувства.

– Как будто волнуешься, но весело, то есть странно, то

есть непонятно, то есть я не знаю, как сказать.

– Сыночек, – говорю первое пришедшее на ум, – люди, в отличие от животных, имеют развитую чувственно-эмоциональную систему. Например, лягушки. Ты видел летом лягушек? Если человек трогает лягушку, он испытывает отвращение.

– Это ты, мама, испытываешь, а мы с пацанами запросто их ловили. А Вовка предлагал их надувать, соломинку в попу вставить и дуть.

– Вова, оказывается, живодер.

– Кто такой живодер?

От скользкой темы удалось уйти.

Я отлично помню свое девичье детство и вехи собственного взросления. Могу рассказать много интересного, что осталось родителям неведомым. Но что происходит у мальчиков в голове, то бишь в психике? Понятия не имею. Дворовая девочка до восьми лет, до запойного чтения книг, я помню только императивное: пацаны должны к тебе приставать, а ты не даваться. Последующие знания уже относятся к старшим классам школы, когда наступило другое общение.

И вот теперь мой сыночек *это* чувствует. Влечение, возбуждение, эмоциональную перегрузку? Какое *это*, черт подери!

Начитанность всегда помогает. Я помню книгу «Дневник Кости Рябцева», где герой, мальчишка, терзается от бесконечного, неукротимого влечения к девочкам. В свое время

книга меня потрясла, и я даже приняла автора за извращенца, хотя он только старался правдиво описать чувства подростка. На фоне других книг, а я глотала их десятками в неделю, не разбирая фамилий авторов, не помня имен героев, – только бы читать, «Дневник Кости Рябцева» все-таки резанул и отложился.

Но зачем откапывать истину на пыльных книжных полках, когда есть пророк в своем отечестве? Мой муж. Он ведь тоже был мальчиком, его *это* интересовало, влекло, звало... или чего там с ними происходит.

Пересказала Жене наш с Никитой разговор. Ожидала по крайней мере нахмуренной задумчивости, воспоминаний о собственном детстве, о своих чувствах по отношению к противоположному полу. Более того, надеялась услышать про сокровенные мальчишечьи признания. Ничего подобного!

– Чай-то мы будем пить? – спросил муж, показывая жестами, что я не убрала тарелку перед ним, не поставила чашку.

– Чай мы пить будем! – процедила я, накрывая стол. – Но я все-таки хотела бы услышать от тебя, как от мужчины, который в свое время был мальчиком, как реагировать на повышенное внимание Никиты к противоположному полу.

– Да никак не реагировать.

– То есть? – замерла я с заварочным чайником в руке.

– Наливай, – потыкал муж пальцем в свою чашку.

Несовпадение мужской и женской реакции на те или иные события способны довести нас, женщин, до бешенства. Си-

дит! Чай гоняет! Просит посторониться – я ему экран телевизора заслоняю, когда программа «Время» в эфире.

Закаменев от возмущения, перестав дышать – этакая скульптура с чайником в центре кухни, – я добиваюсь-таки внимания мужа.

– Что тебя волнует? – спрашивает он.

– Меня волнует наш сын. Меня волнует, почему ты наплевательски относишься к его проблемам и моим тревогам.

– Сильное обвинение. Но на пустом месте.

– Я телевизор тебе загораживаю?

– Сарказм – это уже хорошо. Иди-ка сюда, – хлопает по угловому диванчику, – садись рядом.

Как же, разбежалась! Пусть поднимется и силой усадит меня рядом.

В родных теплых объятиях мужа, под стрекот новостей из телевизора, внимание Жени к которым я невольно отслеживаю, на неудобном кухонном диванчике, делюсь своими тревогами. Жене они кажутся ерундой. Он так и говорит:

– Не бери в голову, все нормально, не тревожься по пустякам.

Пройдет много лет, и сыновья будут выражаться по проблеме, меня волнующей, а с их точки зрения пустяковой, менее культурно, на молодежном жаргоне: «Мамочка, это че-пуха, не парься!» Некоторые женские тревоги у мужчин вызывают оскомину.

Мне не удастся добиться внятного разъяснения от мужа.

Потому что распахивается дверь кухни, на пороге Никита:
– Обнимаетесь? А кто, папа, нам сказку на ночь про кучевечков будет рассказывать?

Деспоты! Наши дети отлынивают от чистки зубов вечером, но чтение перед сном вынь им да положь. Или выдуманную сказку. Женя читает изумительно – заслушаешься. Он прирожденный артист. Мы и познакомились в студенческом театре факультета журналистики Ленинградского государственного университета. Женя был всегда на первых ролях, а я запасной примой.

Кроме чтения детской классики, Женя сочинял детям долгоиграющие сказки. Особенно запомнилась сага о кучевечках – маленьких человечках, которые живут летом в траве, осенью – в опавших листьях, зимой отогреваются в плафонах уличных фонарей. Кучевечки приходят к детям по ночам и проказничают. Хорошим детям оставляют подарки. Когда Никита шел в первый класс, нам требовалось обойти всех врачей, в том числе детского психиатра. Сидим мы перед его кабинетом в очереди, Никита изнывает от скуки и вдруг заявляет:

– А тут, интересно, есть кучевечки? Может, они прячутся под скамейками?

Бухнулся на четвереньки и принялся обследовать пространство под лавками. Родители других детей посмотрели на меня с сочувствием: мальчик-то больной на голову.

– Немедленно встань, – тянула я сына обратно на ска-

мью. – Нет тут никаких кучевечков. И не вздумай доктору про них рассказывать! Кучевечки – это сказка, папина выдумка.

– А зачем вы тогда говорили, что правда?

Из докторского кабинета вышла медсестра, отдала мне Никитину медицинскую книжку и сказала, что нам к этому доктору не нужно. Когда уходили, я услышала чье-то тихое замечание: «Рано его с учета сняли».

Итак, я приняла как данность, что мальчики рано испытывают волнения от женских запахов, прикосновений. Так есть, и точка. Но рос Митя, и ничего подобного у него не наблюдалось. Напротив, девочки его раздражали, он относился к ним презрительно. В то время потоком в прессе шли публикации в защиту однополрой любви, выходили книги американских писателей про несчастных гомосексуалистов. Встречались интервью с родителями, которые пережили шок, обнаружив нетрадиционную ориентацию своего ребенка. Только этого мне не хватало! К однополрой любви я отношусь без воинственного неприятия, но и без восторга. Кроме того, разделяю точку зрения тех специалистов, которые утверждают, что среди гомосексуалистов всего два-три процента природных, то есть с генной патологией. Остальные – вовлеченные, попросту говоря, совращенные.

Быстро сдаваться я была не намерена, и примерять на себя маску матери голубого юноши мне не улыбалось. Муж,

как водится, отмахивался и советовал не забивать голову ерундой. Женя смеялся, когда в поезде семилетний Никита флиртовал с девочками из соседнего купе. Девочки были явно старше Никиты, но их мог обмануть его рост.

– Сколько сказал тебе лет? – спрашиваю я.

– Что в четвертый класс перешел.

– Ты же во второй перешел. Обманщик!

– Но, мамочка, мы ведь не про школу разговариваем.

Я диву давалась, как Никита, сидящий рядом с какой-нибудь девочкой на диване, сначала клал руку на спинку дивана, а потом его рука плавно переползала на девичье плечо. Митя – все с точностью до наоборот: чем меньше девочек рядом, тем лучше.

Свои разговоры с Митей, произошедшие в разное время, я объединю в один диалог для простоты изложения.

– Митя, ты не дружишь с девочками.

– Не дружу.

– Но почему?

– Потому что они все глупые.

– Вот и неправда. Таня, Вера, Алена очень умненькие.

– Но мне не интересные.

– Митя, чем конкретно тебя не устраивают девочки?

– Тем, что они...

Не может подобрать слово, корчит плаксивую рожу и презрительно водит плечами. Хочет сказать, что девочки жеманницы и кокетки.

– Митя, сколько раз тебе повторять: девочек надо в дверях пропускать, а не переться первому.

– Из-за чего пропускать?

– Девочки – это слабый пол.

– Кто слабый? Ломанова слабый? Да она так трахнула меня портфелем, что я чуть не упал.

– Митя, нельзя драться с девочками! Я ужасно расстроена! Учительница сказала, что ты бил и толкал Таню Петрову.

– Она первая начала, книжками по голове мне заехала.

– Возможно, Таня хотела высказать свое расположение к тебе подобным образом.

– Она мне не нужна никаким образом.

– Митя! – волнуясь и плохо формулирую. – Всем нужна, а тебе не нужна!

– Таня Петрова?

– Вообще девочки! Мальчики должны интересоваться девочками.

– Зачем?

– Затем! Посмотри на своего брата, он ни одной девчонке прохода не дает.

– Ты говорила, чтобы я не брал примера с Никиты во всем.

Очередной раз Митя поймал меня в ловушку. Ведь совет пятилетнему мальчику ухлестывать за девочками по меньшей мере глуп. К слову сказать, когда Митю обижали в детской компании, Никита, невзирая на пол, костылял и девочкам, и мальчикам.

– Митечка, значит, ты никогда не женишься?

– Ну-у-у почему-у... – тянет.

Редкая картина Митиного смущения: взгляд в пол, глазки бегают.

– Говори-ка, говори! Женишься?

Смущение усиливается, как под пыткой произносит:

– Извини, мамочка, но вы с бабушкой когда-то... в общем, умрете.

– И дальше?

– Надо же кому-то еду готовить и стирать.

Малолетний прагматик и циник!

Я бы никогда не взяла на себя смелость писать книгу про воспитание девочек, ведь дочерей у меня не было. Подруги смеялись надо мной и называли титиретиком, когда я утверждала, что девочек надо хорошенько баловать. У них закрепится программа потребности в баловстве, и в будущем их все будут баловать: друзья, муж, родственники мужа. Подруги вспоминали фразу из фильма «Снежная королева»: «Детей надо баловать, тогда из них вырастают настоящие разбойники».

Теперь, когда моему внуку четыре года, а внучке полтора, я не устаю удивляться, насколько они разные. Казалось бы, маленькие дети бесполы – что девочки, что мальчики – одно младенческое поведение. Ан нет! Кирилл с пеленок обожает машинки. У него их куча – дома у меня и дома у родителей, на даче. Кирилл играет с ними, как с живыми существа-

ми. Он еще ходить не умел, а мы подолгу стояли или сидели на подоконнике – смотрели на проезжающий по оживленной магистрали автотранспорт: вот легковая машинка, вот бетономешалка, вот троллейбус с усиками, у трамвая тоже усики есть. Широкий метровый подоконник в моей квартире был любимым местом Кирилла. Внучка Сашура равнодушна к машинкам абсолютно. Две секунды постоит на подоконнике, покажет пальчиком: «бибика» – и отворачивается, просит, чтобы ее сняли. В том же возрасте, когда ползала, а не ходила, Сашура уже любила наряжаться. Натянет на голову колготки и смотрит выжидательно.

– Тебе очень идет, – говорю я. – Ах, какая нарядная девочка!

Внучка хлопает в ладошки – браво, я прекрасна!

Сейчас она любит влезть во взрослую обувь, что-нибудь на себя набросить и – к зеркалу. Ножку назад кокетливо отставит на носочек, пяточкой вертит, головку вправо-влево повернет. Дово-о-ольная! Но если не раздаются комплименты, недоуменно поворачивается: где восторги?

– Очень красиво! – смеюсь я. – Принцесса! Нет, королевна!

То-то же, похлопает в ладоши внучка и отправится за очередным «нарядом». Самое поразительное: она не копирует, не обезьянничает, потому что ни бабушки, ни мама не имеют привычки подолгу вертеться перед зеркалом.

Того, что гендерные, то есть половые, отличия могут про-

являться столь рано, я не предполагала. Оказывается, разница в поведении, в пристрастиях мужчин и женщин начинается с пеленок.

Единственная игра, в которую оба внука любят играть, – в космонавты. Мое большое кожаное рабочее кресло выкатывается на середину комнаты, в него забирается «космонавт», тогда еще двухлетний Кирилл. Я начинаю крутить кресло и комментировать:

– На орбиту выходит корабль, пилотируемый космонавтом России Кириллом. Первая ступень отпала, вторая ступень отпала – (скорость вращения все увеличивается), – третья ступень отпала! Торможение, посадка. Куда посадка?

– На Уну (на Луну).

– Здравствуйте, товарищи лунатики! Вас приветствует космонавт России Кирилл! Ура! Помаши лунатикам ручкой. Старт! Полет продолжается – (вращение в другую сторону). – Куда летим?

– На Арс (на Марс).

– Здравствуйте, товарищи марсиане! Вас приветствует...

Постепенно игра усложнялась. Кирилл уже хорошо выговаривал названия планет, сам приветствовал сатурнян, венериян, астероидцев – иногда требовалась аварийная посадка на астероид или срочная дозаправка (шумные вдохи носом и длинные выдохи через рот – отличное упражнение после бронхитов и других респираторных заболеваний). Как назвать обитателей астероидов, я не знаю. Но и наука, похо-

же, пока об этом не задумывалась. Поэтому они у нас астероидцы.

Сашура пока только осваивает космические тропы, и ей очень нравится, когда я после вращений и торможения изображаю бурный восторг инопланетян: «Ура! К нам прилетела космонавт России Александра!»

Прогнозы отменяются

Не только родные, но и друзья были убеждены, что Никита женится рано, а Митя, с его непростым характером, найдет спутницу жизни не скоро. Характер был, действительно, труднопереносимый. Упрямству и упорству Мити мог бы позавидовать любой диктатор.

Бабушка Алиса, мать мужа, просила меня:

– Скажи Мите, чтобы помылся и переоделся, мы ведь в гости идем.

– Почему сами-то не скажете?

– Ой, не послушает. Знаешь, Наташа, я его иногда просто боюсь.

Если маму и папу Митя часто ставил в тупик, ловил в капкан наших собственных прежних утверждений, то с бабушкой Алисой и подавно справлялся. Мог, например, начать разводить антимионии про то, что если человеку хочется идти в гости в грязных шортах и с чумазыми коленками, то почему ему запрещают? И вообще, для кого он должен переодеваться, разве чужие люди важнее родных? Хотя на самом деле просто не любил все процедуры, связанные с нарядами.

Моя мама, бабушка Саша, часто сокрушалась:

– Мите будет очень трудно жить. С его-то характером. Не то что Никите.

Никита всегда умел пойти на уступки, прикинуться по-

корным, легко выйти из конфликта. Оставаясь внутренне при своих убеждениях.

И вот сейчас, когда Никите тридцать два, Мите двадцать восемь, я отчетливо вижу, что Мите живется легче и спокойнее. Его демоны растворились в атмосфере, а Никитины засели глубоко.

Митя женился в двадцать два года, а Никита нашел свою единственную, когда ему было под тридцать.

Далее я хочу высказать мысль, возможно, самую важную в этой книге. Никому не дано по детским поступкам определить, каким человек станет в будущем. На детях нельзя ставить штампы, прогнозировать их характеры. В определенном смысле это даже преступно.

Перед моими глазами прошло очень много детей. Я наблюдала взросление моих сверстников и детей друзей, друзей. Находясь в веселой компании, я могла покинуть взрослых, уйти в комнату к двухлетнему ребенку и обучать его геометрическим фигурам или цветам радуги. Мне процесс обучения, постижения малышом реальности был интереснее, чем высокоинтеллектуальная беседа на кухне. Я люблю детей, как любят музыку – за особое душевное состояние. Дети дарят очищение сознания от лишних напластований – от накруток завиральных идей и тревог. Детский смех промывает мозги так, как и не снилось никакому психотерапевту. Детские слезы настолько умирительны, что и собствен-

ные уже кажутся нелепыми. Практически всю сознательную жизнь я окружена детьми, поэтому могу говорить со знанием дела. Среди моих знакомых не было родителей-алкоголиков, или уголовников, или прочих лишенных родительских прав. Небогатая российская интеллигенция – наш круг общения. И мы грешили тем, что приписывали детям будущее, наблюдая их поведение. Жизнь перечеркнула многие прогнозы. Некоторые оптимистические – печально перечеркнула.

Не тревожа раны моих друзей и знакомых, в качестве примера я приведу историю от профессионала, от детского психолога, чьи статьи я редактировала для популярных изданий.

Есть семья, вполне благополучная, у мамы и папы двое сыновей, старшему четыре года, младшему два. К психологу привели старшенького, потому что сладу с ним нет, потому что юлой вертится, на месте не сидит, глаз да глаз нужен, а чуть мамин глаз в сторону – он потоп в ванной устроил или телевизор «для починки» раскурочил, или... или. Что ни день, то сплошные «или». Какой-то бешеный мальчик, ненормальный – намекают бабушки. Надо его докторам показать.

Обследование происходило в маленькой университетской аудитории: комната двадцать квадратных метров – доска, преподавательский стол, два ряда по три штуки студенческих парт. В те времена хорошие детские психологи не имели оборудованных кабинетов, а зарабатывали тем, что учи-

ли в государственных вузах себе подобных бессребреников и консультировали за малую плату по знакомству приведенных детей.

Двухлетнему младшему дали игрушки, он устроился между преподавательским столом и подоконником на относительно чистом полу. Психолог, предварительно побеседовав с мамой, интервьюировала и тестировала четырехлетнего буйного старшенького. Дело это не быстрое. Она ему – такие-сякие вопросы, про как засыпаешь, что любишь, что не любишь. Потом листы с рисунками, которые надо дорисовать. Старшенькому периодически становилось скучно, и он пытался отлынивать. Но тетя, к которой его привели, ловко ввертывала какую-то штуку, подначивала смешным вопросом, раззадоривала, и в итоге он выполнил все, что хотела тетя, даже не поняв, почему подчинился. Ему в голову не могло прийти, что его каракули – объект пристального изучения.

– Заключительный диагноз – через три недели, – сказала маме психолог, – когда обработаем тесты. Но уже сейчас, предварительно, могу вам сказать, что страхи ваши преувеличены. Кто у меня вызывает настоящую тревогу, так это ваш младший сын.

Они посмотрели на мальчика, который водил машинки туда-сюда под окном.

– А что с ним? – удивилась мама. – Он у нас такой спокойный, ласковый, не то что старший.

– Это и настораживает, – нахмурилась психолог.

Она понимала: психически здоровый двухлетний ребенок не может катать машинки почти три часа подряд.

Итог этой истории: у младшего сына обнаружилась олигофрения, с которой долго и безуспешно бились. А из старшего буйного вырос замечательный человек, который всю жизнь опекал умственно отсталого брата.

Примеров тому, как из идеальных детей вырастают нравственно незрелые личности, немало. Но еще больше примеров: из буйных и непосед получаются активные, целеустремленные люди. Далеко ходить не надо – мои собственные дети, которые не раз шокировали окружающих своим поведением, а у меня вызывали отчаяние: что вырастет из этих хулиганов?

Никита с младенчества проявлял блатные наклонности. Он рано начал говорить, то есть произносить слоги. Ему было восемь месяцев, когда при очередном осмотре врач записала в медицинской карточке: «Произносит отдельные слоги». Из невинного лопотанья: ба-на-ва-па – к десяти месяцам осталось почему-то вульгарное «бля» и «ху», которые он твердил постоянно. Стыдно было с ним на люди выйти. окружающих шокировало, что малыш, сидящий у мамы на руках, матерится как сапожник. Когда Никита научился говорить словами, складывать их в предложения, ситуация ни-

сколько не улучшилась. Непостижимым образом своим детским умишком он вылавливал в человеческой речи выражения, отличные от нейтрального смысла. Замечу, что в нашей семье даже «черт подери!» не употреблялось, а самым крепким выражением было «холера!», которое использовала бабушка Саша, когда рушилась полка со всей посудой и у нас не оставалось ни одной тарелки или чашки. Но ведь была уличная речь и проклятый телевизор.

Смотрим фильм. Партизана расстреливают фашисты.

– Стреляй, падла! – рвет на груди рубаху партизан.

– Мама, что такое падла? – тут же спрашивает Никита.

– Не обращай внимания, – отмахиваюсь, чтобы ребенок не концентрировал внимания. – Смотри, сейчас наши на фрицев нападут.

Не тут-то было. Никита сползает со стульчика и шмыгает из комнаты. Я ловлю его в тот момент, когда он уже постучал соседке по питерской коммунальной квартире в дверь, старушка на пороге.

– Марья Геворговна, ты падла? – блестя глазками, спрашивает Никита.

К счастью, восьмидесятилетняя соседка была туга на ухо.

– Да, маленький, – отвечает она, – заходи, я тебе конфетку дам.

В овощном магазине. Дедок с трясущимися руками хотел переложить лук в матерчатую авоську, но рассыпал.

– Вот старый дурак! – громко заявляет Никита.

И хотя мой сын ползает по полу, собирая головки лука, складывает их дедушке в авоську, я достаиваюсь осуждающих взглядов продавцов и покупателей.

В какой-то момент ростки бандитско-блатных наклонностей Никиты довели меня до слез. Ему двадцать раз было говорено, что его книги – это его книги, а наши со стеллажей трогать нельзя. Ушла на кухню, где готовила еду, возвращаюсь. Никита вытащил запретные книги, раскрыл их, выстроил дорожку и ходит по страницам бесценных сочинений Чехова. С интересом скопился на маму: как я буду реагировать. Не ожидал, что я рухну на стул и заплачу. Ведь еще от вчерашнего не отошла.

Вчера произошло следующее. Собираемся на прогулку. Зима, мороз, ребенка надо одеть быстро, чтобы не взопрел, а одна галошка на валенок никак не находится.

– В болсе, в болсе, – твердит Никита, сидя на полке с обувью и болтая ногами.

«В борще», – с ужасом перевожу я с детского. Мария Ивановна, другая соседка по коммуналке, сегодня варила борщ. До сих пор испытываю перед ней, давно покойной, вину. Не призналась в поруганности блюда. Галошку Никитину я из борща выловила, под краном отмыла, натянула сыну на валенок и бегом на улицу. В Адмиралтейском скверике Никиту схватила за грудки и трясла:

– Как ты мог? Зачем ты галоши соседям в кастрюли кидаешь?

Никита поднимает руки вверх и выskalзывает из шубки, как сосиска из оболочки. Замерзнет. Надо быстро расстегнуть пуговицы на шубке, надеть на сына, укутать. Чтобы он и второй раз, и третий проделал тот же фортель. Ему весело, и мне никак не удастся втолковать своему ребенку, что проказы бывают милыми, а бывают и недопустимыми. Никита смеется, а мне хочется схватить его и запустить в сугроб.

И вот теперь Никита нахально ходит по моему любимому Чехову. Дети часто провоцируют взрослых, ожидая той или иной реакции. Я сама была такой. И реакция парадоксальная, непредвиденная, неожиданная их выбивает из колеи. Мама должна была накричать, поставить в угол, но плакать?

– Мамочка? – подходит и обнимает мои коленки. – Почему ты плачешь?

– Потому что тебя посадят в тюрьму.

– Когда?

– Когда ты вырастешь.

– Как вырасту, сразу посадят?

– Нет, сначала ты совершишь несколько преступлений.

– А если не совершу?

– Тогда не посадят.

– А если я книжки на место уберу, ты не будешь плакать?

Было бы слишком смело предположить, что этот разговор имел судьбоносный эффект. В последующем у нас с Никитой были еще и разрисованные стены подъезда, и сожженные

кнопки в лифте, и группа «Белый голубь», которую он сколачивал из соседских мальчишек, каждому вручив печать, вырезанную из ластика, насмерть перепугав родителей мальчиков. Они к нам приходили и шепотом докладывали, что в доме завелся какой-то уголовник, он собирает банду, совращая наших детей. Мы натурально таращились в испуге, зная, что «уголовник» – это наш старшенький.

Ныне Никита юрист и законник, каких поискать. Буква Закона для него последняя инстанция. Любые наши споры натываются на железобетонность Никиты: когда изменится Закон, тогда и поговорим. А пока мы должны жить по правилам, на то они и прописаны. Иначе – бардак.

Про сжигание кнопок в лифте я хочу рассказать отдельно.

Пять лет прожив на съемных квартирах в Москве после переезда из Ленинграда, мы, наконец, в 1986 году получили собственную. Типовую, трехкомнатную, в Орехове-Борисове, там, «где кончается география», как говорили наши друзья, приезжая к нам в гости. За три года наш новый дом (точнее – подъезд, вестибюль, лестницы) превратился в гетто. Грязь, вонь, незакрывающиеся двери с хлопающими фанерами вместо стекол, лифты, напоминающие кабинки общественного туалета, – словом, весь набор разрухи конца восьмидесятых. Кстати, не только я, но и мои подруги, жившие в других районах Москвы, периодически не выдерживали, брали швабры, ведра, тряпки и мыли подъезды. Хватало на

пару дней, а потом вандалы с удвоенной силой пакостили. Груды окурков и шелухи семечек подсолнечника становились еще больше, пустых бутылок прибавлялось, и собаку нельзя было вывести на улицу без того, чтобы она на лестнице не вляпалась в отходы человеческой жизнедеятельности. И каково же мне было обнаружить, что среди вандалов – мой дорогой старшенький сыночек, который поджигает кнопки в лифте.

– С тобой будет разбираться отец, пусть он тебя убивает, – процедила я и ушла в другую комнату.

По будням отец видел детей мирно спящими в кроватках, потому что уходил на работу до их пробуждения. Вечером едва успевал прочитать им книжку или рассказать очередную серию про кучевечков. По выходным Женя старался придумать сыновьям какую-нибудь игру, вроде поиска сокровищ в соседнем парке (поискам по карте, «странным образом» оказавшейся в нашем почтовом ящике).

Как-то один из наших знакомых – человек без педагогических понятий, спросил Никиту:

– У вас кто в семье главный, мама или папа?

Я мысленно чертыхнулась, но, услышав Никитин ответ, поразилась и порадовалась. У нас, оказывается, правильный расклад семейных ролей.

– Главная у нас мама, – сказал Никита, – но мама делает вид, что главный папа.

Делала я вид или не делала, однако отцовское наказание –

воображаемо страшное, но без конкретики – всегда оставалось последним орудием воздействия на растущих сыновей.

До прихода Жени обстановка в семье была зловеще тревожной. Никита трудился над домашним заданием с небывалым усердием, моя мама, хмуясь, штопала носки. Я готовила ужин, в задумчивости почистила всю имеющуюся в доме картошку. Митя меня пытал: «Никиту папа быстро убьет или медленно?»

Мужской гнев, как известно, непредсказуем. Недаром мужчины веками сражались, воевали, испытывали кровавый азарт. И у моего добрейшего мужа неизвестно что находится в глубине души. Женя говорил, что вандалам, которые гадят в подъездах, надо отрывать гениталии, чтобы не размножались. Но не станет же он отрывать это самое родному сыну? А как воздействует?

Словом, к приходу мужа я опасалась его гнева не меньше, чем Никита и бабушка. Митя не в счет, ему только интересно было. Спустить на тормозах я не могла, но и оставить без наказания Никитины антиобщественные действия было нельзя.

Я придумала. Вот как это происходило.

Женя на пороге. Я стою с потерянным лицом (далось без труда).

– Что? – спрашивает муж. – Наташа, что случилось?

– Ты только не волнуйся, но Никита сжег лифт.

Женя побледнел.

Как он мне потом рассказывал, первыми его мыслями были подсчеты: «Сколько стоит лифт? Прорву денег. Где мы их возьмем?»

– Совсем сжег? – хрипло спросил Женя.

– Не совсем, только кнопки.

Женя облегченно вздыхает, и я понимаю, что переборщила с предупреждающими действиями. Теперь никакого наказания вообще может не быть, кроме безобидных нравочений, которые Никите как горох об стенку. Женя отчаянно голоден, обедать он не успевает, мечтает об ужине. И все воспитание насмарку?

– Где этот поджигатель? – рывкает Женя почти весело.

Никита на полусогнутых выползает в прихожую. Позади маячат взволнованная бабушка и любопытствующий Митя.

– Знаешь, что я с тобой сделаю? – спрашивает отец.

Подозреваю, сам еще не знает, что сделает, лишь осмысливает. Но у меня готов план.

– Никита знает, – вступаю я, – что сейчас мы пойдем в диспетчерскую нашего района и честно признаемся, что наш сын – вредитель и хулиган.

«А ужин? – читаю я в глазах мужа. – Тащиться по темноте бог знает куда, не понятно за чем».

«Потерпи, – также взглядом отвечаю я. – Что важнее: твой прием пищи или бандитские наклонности сына?»

– Никита, одевайся! – командую я, снимая с вешалки свою куртку и переобуваясь.

По дороге в диспетчерскую голодный отец прочитал сыну злую нотацию, мораль которой: тот, кто сегодня кнопки в лифте поджигает, завтра страну под откос пустит. Ты, Никита, вредитель или защитник Родины, которая и наш город, и улица, и подъезд, и лифт? Насчет родины – подъезда и лифта – муж явно переборщил. Натощак Женя читает сыновьям морали гораздо пафоснее, чем на сытый желудок.

Диспетчер за пультом, к которой мы прорвались, путано объясняя через переговорное устройство в железной двери причину визита, была немолодой и полноватой, со следами усталости на лице, отличающими измотанных российских женщин, которым до смерти надоели горящие избы и кони на скаку. Но, кроме нас – дур, тушить пожары и лошадей привязывать некому.

– На что жалуетесь? – точно доктор спросила диспетчер.

Не могла же я сказать: «На сына жалуюсь»?

– Дело в том, – начала я, – что Никита, вот он перед вами... Никита, подними голову и смотри тете в глаза. Никита сегодня поджигал кнопки в лифте. По адресу Ореховый бульвар, дом шестьдесят три, подъезды первый и второй.

– Никита наш сын, – уточнил Женя, чтобы диспетчер не подумала, будто мы схватили постороннего хулигана.

– Во даете! – удивилась диспетчер. – Чего только здесь не понаблюдаешь, но чтоб родного ребенка приводили!

Ее удивление портило трагизм случившегося.

Первым нашелся Женя:

– Мы готовы нести ответственность, моральную и материальную, последняя, что очевидно, представляет собой штраф, который, вероятно, превысит стоимость велосипеда, который был обещан Никите.

Слишком витиевато говорил. Диспетчер не уловила сути.

– Первый раз вижу таких родителей, – сказала она. – Кругом беспредел, и хоть бы кто-нибудь рыпнулся. Остались-таки еще сознательные. Ладно, есть у нас фонд на починку лифтов, оформлю заявку, какой, говорите, адрес?

Мы с Женей как по команде сделали шаг назад, чтобы Никита не видел наших лиц, и принялись же стами и мимикой объяснять диспетчеру: требуется припугнуть ребенка.

Несколько секунд она переводила взгляд с наших кривляющихся физиономий на испуганное Никитино лицо. Сообщила, умница.

– А что с вашим бандитом делать? – притворно грозно нахмурилась диспетчер. – Полагается его в детскую комнату милиции сдать. Мальчик, хочешь в милицию?

– Не хочу, – плаксиво прошептал Никита.

– А портить государственное имущество еще будешь?

– Не буду.

– Смотри мне! На первый раз простим, но если еще нашкодишь, от кутузки не отвертишься.

Мы поблагодарили, попрощались и ушли. Зная, какие слова мой сын еще не ведает, я пояснила:

– Кутузка – это тюремная камера для преступников.

– Да? – удивился Никита. – Я думал, так собачку зовут.
– Собачья кличка Тузик.
– А если собачка девочка?
– Ребята, – простонал муж, – я хочу есть, как все собаки, вместе взятые, как Тузики и Кутузки. Что у нас на ужин?

Мы сидели на кухне, заканчивали ужинать. Нам с Женей было почему-то весело. Вспоминали, как я огорошила его: «Никита лифт сжег», как Женя спал с лица, какие Макаренки у нас работают диспетчерами, и покупать ли Никите велосипед. Если покупать, то как обставить, не ущемляя наказания за сожженные кнопки.

Дверь кухни имела вставку из рифленого стекла. Вдруг видим за дверью маленькую неясную тень, кто-то копошится. И к стеклу с обратной стороны прилипает маленькое трогательное детское ушко. Мы с Женей зажали рты ладонями, чтобы смех погасить. Это Митя подслушивает, Никита его прислал, разведать планы родителей.

Прогнозы отменяются (продолжение)

Трудновоспитуемыми называют детей, совершающих антисоциальные поступки. Но есть еще вполне законопослушные дети, которые вовсе невоспитуемы. Они ничего не принимают на веру: ни традиций, ни правил, ни устоев, ни этикета. Таким был мой Митя. Ему еще повезло, что родился не в мусульманской семье. Потому что друзья-мусульмане рассказывали мне, как их заставляли учить Коран – без обсуждений, без вопросов. Вызубрить, запомнить – иначе строгое телесное наказание. В подобной ситуации на теле маленького Мити не осталось бы живого места. Прочитав, шестилетним, Библию для детей, он нашел семь несоответствий и навсегда отказался от религии.

Митя был подростком, когда приехавший из Питера школьный друг мужа, режиссер Григорий Никулин, поговорил с нашим младшеньким и поразился:

– Впервые в жизни встречаю абсолютно самодостаточного человека. Митька ваш – идеальная, саморегулируемая субстанция с хорошим интеллектуальным потенциалом.

Мне не понравилось, что моего сына называли субстанцией, но, с другой стороны, хоть и неловко в том признаться, – определенные культурные навыки нам так и не удалось при-

вить младшему сыну. Исчерпав все аргументы – от уговоров-объяснений до воплей, – я, например, махнула рукой на то, что столовый нож Митя принципиально держит в левой руке.

– Мне так удобнее. Почему, мамочка, я должен следовать какому-то этикету, когда мне нравится есть с вилкой в правой руке и с ножом в левой?

Я сдалась по этому и по другим пунктам воспитания культурного человека.

И вот теперь, когда во время семейного обеда Митя ловит грозный взгляд жены: «В какой руке у тебя нож? Какой пример ты подаешь сыну?» – и со вздохом меняет расположение приборов, я тихо радуюсь. Ага, достали! Правильно говорится: наши внуки отомстят нашим детям.

Неординарные поступки Мити всегда забавны в последующих пересказах, поэтому я и узнаю о них задним числом, когда поезд ушел. Меня берегут от лишних переживаний, спасибо! Узнай в момент свершения, долго сокрушалась бы по поводу своих родительских промашек, совершенных даже не по глупости, а из-за усталости сражаться с этим маленьким буддой. Детские выходки абсолютно книжного домашнего мальчика Мити, вредного и настырного, со своим мнением, которое не разбить никакими аргументами, с главной установкой: «Оставьте меня в покое!» – я опущу. Приведу поздний и характерный, с точки зрения Митиной юно-

шеской «самости», пример.

Митя окончил факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета имени Ломоносова. Окончил на «отлично». Митя помнил дату вручения дипломов. Но почему-то думал, что вручение дипломов – это прийти в деканат, расписаться и получить книжечку.

Теперь представьте картину. Актальный зал МГУ. Выпускной бал: девушки в вечерних платьях, юноши в парадных костюмах. Ректор вручает дипломы. Первыми на сцену поднимаются обладатели красных дипломов. В том числе – Митя. Он прямо с дачи, с электрички. Сандалии, меж перемычек которых отчетливо видны нечистые пальцы с ободками грязи под ногтями. Пестрые шорты выше волосатых колен, растянутая майка с фривольным рисунком и пошловатой надписью... Бейсболку Митя догадался снять. Так и выходил на сцену к ректору...

Мой мальчик посмешище, чудаковатый гений? Не гений – определенно. Я долго боялась его гениальности. Успокоилась, когда познакомилась с Митиными однокурсниками. Какие ребята! Что за светлые умы! Ян, Стасик, Татьяна, Александр. Спасибо вам, дети, за мое материнское спокойствие! Кроме Мити, в России есть еще немало светлых умов. Другое дело, как расходуются их силы, на что сегодня идет их колоссальный потенциал. Это – для другой книги.

Прекрасная учительница, преподававшая Мите матема-

тику, рассказывала мне, как довелось ей некоторое время поработать в маленькой провинциальной школе, и был там мальчик не просто способный, а не бывало, фантастически способный. И над ним смеялись, потому что из носа у него постоянно текли зеленые сопли. Наверное, хронический гнойный гайморит. Учительница уехала, а мальчик вырос и стал работать, как все мужики в поселке, – на лесосплаве, баграми бревна подгребать, на баржу грузить.

Возвращаясь к моей главной идее – на детях нельзя ставить штампов, клеймить их, программировать на ту или иную судьбу, подталкивать к правильным, с нашей точки зрения, поступкам, вроде приобретения профессии, нами вычисленной, – я хочу рассказать про Митю сегодняшнего. Про семью мальчика, которого в детстве никто не понимал. Во-первых, его не понимали идеологически, потому что он ставил взрослых в тупик простым вопросом: «Почему?» И многие после серии его «почему» вынуждены были разводиться руками. Во-вторых, его не понимали вербально – Митя говорил очень быстро и невнятно. Не речь, а каша. Он всегда быстро думал, язык не успевал артикулировать, на выходе оказывалась сумятица звуков.

Не люблю примеров из личной жизни в производственной сфере. Это когда педиатр говорит родителям: «Моя дочь до трех лет пустышку сосала». Или сантехник заявляет: «У ме-

ня такой кран пять лет стоит». Дорогие господа! Ваш личный опыт меня интересует постольку поскольку. Для меня главное – научное или инженерное, апробированное и проверенное, решение проблемы. Профессиональное!

И все-таки один раз я привела высказывание Мити в качестве аргумента. Редакционное совещание в «Науке и жизни». От многомиллионных тиражей, от всеобщей славы и любви читателей мы скатились к тридцати тысячам тиража, который падает и падает. В киосках «Науку и жизнь» не найти, сплошь и рядом, узнав, где я работаю, спрашивают: «А разве журнал еще выходит?» Как же! Выходит, не изменившись за десятилетия ни в манере подачи материалов, ни в рубриках, ни в оформлении.

Наступив на горло своим принципам, я сказала на том совещании:

– Мой младший сын, студент МГУ, наш читатель по идее, замыслу и задаче. Я спрашиваю сына: «Почему ты не читаешь „Науку и жизнь“? Отвечает: „Вы пишете медленно, а я читаю быстро“.

Речь была не о скорочтении, хотя в свое время меня, читательницу многолетнюю и маниакальную, по-спортивному оставил позади младший сын. И когда мы сравнивали объем информации, усвоенный за единицу времени, меня отбрасывало еще дальше.

В «Науке и жизни» никогда не работали глупые, бесталанные или плохо образованные люди, или лентяи. Отбор в

журнал был жесточайший. У тебя может быть семь, двадцать семь, триста двадцать семь пядей во лбу, но, если разведка донесла про твой склочный характер, никогда тебе не трудиться в «Науке и жизни». Поэтому наш коллектив состоял из не просто интересных людей, а исключительных, как в профессиональном смысле, так и в человеческом. А нашими авторами была элита российской науки, подвижники и настоящие ученые. Общение с ними – одна из самых больших удач моей жизни. Но средний возраст редакторов журнала перевалил за шестьдесят, и меняться, подстраиваться под стиль и формы усвоения знаний современными ребятами, вроде Мити и его друзей, большинство не могло, да и не хотело. «Наука и жизнь» выходит и сегодня, по-прежнему выполняя благородную задачу популяризации науки и знаний.

И еще про Митино косноязычие, которое я слегка поправила негуманным – это если мягко сказать, а если попросту – зверским образом. Естественно, для начала я привела Митю к логопеду, пожаловалась на то, что ребенок говорит точно с горячим пельменем во рту. Врач попросила Митю прочитать стишок, повторить за ней несколько скороговорок и сказала, что проблем с дикцией у него нет.

– Как нет, – поразилась я, – если, кроме мамы, папы, бабушки и брата, никто его не понимает?

– Ему нужно говорить медленнее и не высовывать язык.

– В каком смысле?

– Когда ваш сын говорит, он высовывает язык меж зубов, отсюда невнятность, – устало пояснила врач.

Вы заметили, что наши врачи большей частью ужасно усталые? Просидишь к ней два часа в очереди, а потом чувствуешь себя наглецом, который досаждаёт усталому занятому доктору со всякой ерундой. Однако косноязычие моего сына – вовсе не ерунда. Возможно, по сравнению с детьми, которые пять согласных не выговаривают, трехлетний Митя годится в чтецы-декламаторы, но только для выступлений в логопедическом детском саду.

– Сыночек, – попросила я, – подожди меня за дверью.

Когда Митя вышел, я уточнила, какие все-таки упражнения требуется выполнять.

– Говорить медленно и не высовывать язык, – повторила врач еще более устало и посмотрела на меня как на человека с проблемами слуха или, того хуже, с умственными проблемами.

Митю я заранее настроила, что для исправления дикции ему придется ходить на специальные занятия и регулярно выполнять дома упражнения. Когда врач сказала, что никаких усилий не потребуется, Митя остался доволен. Рано радовался.

– Прикуси язык, – велела я ему дома. – Хорошенько прикуси! Больно?

– Больно!

– В языке, сыночек, находится много нервных окончаний, поэтому отрезать его очень больно. Врач не хотела тебя пугать, но мне за закрытой дверью сказала, что если ты не научишься держать язык за зубами, то придется делать операцию, укорачивать язык. Понял? – уточнила я, довольная результатом, потому что сыночек испуганно вытаращил глаза.

И в последующем, когда Митя начинал тараторить, я его останавливала:

– Говори медленнее! Помни про язык!

Основа и принцип Митиного жизнеустройства – олимпийское спокойствие. Несудьбоносные проблемы, страсти neroковые, тревоги пустые оставляют Митю равнодушным. Словом, заботы, которые беспокоят нормальных людей ежедневно, Мите – по барабану, напрягать нервную систему из-за ерунды Митя не станет. Как же, спросите, он живет? Вполне счастливо и спокойно. При том, что Митина жена Галя, как большинство талантливых и неординарных людей, вспыльчива, подвержена панике и бурным проявлениям эмоций.

Когда Галя о чем-то взволнованно рассказывает, негодует, возмущается и призывает весь мир разделить ее чувства, Митя мысленно просчитывает: проблема серьезная или надуманная? Коль серьезная, он спокойно и рационально разложит проблему на составляющие, доходчиво, с примерами и аналогиями, представит суть, обрисует способы решения и ненавязчиво предложит оптимальный, с его точки зрения,

выход. Митя проявит терпение, потратит свое драгоценное время, когда тому есть повод. Но гораздо чаще оказывается, что жена нервничает по пустякам.

И тогда Митя, улыбаясь, говорит нараспев:

– Я тебя люблю!

В зависимости от ситуации это подразумевает вопрос-утверждение: «Я тебя люблю, но сколько можно наступать на те же самые грабли?» – «Я тебя люблю, но охота тебе по пустякам расстраиваться?» – «Я тебя люблю, но давай, ты остынешь, и мы поговорим завтра».

Моя женская солидарность ликует, когда Митя в очередной раз что-то разбивает из посуды, натягивает носки от разных пар или забывает купить хлеб, и Галя, подражая моему сыночку, произносит нараспев:

– Я тебя люблю!

Ненаглядный мой внучек Кирюша, сын Мити и Гали, тоже довольно часто говорит: «Я люблю тебя!» При этом – никакого маминого или папиного подтекста, никакого ерничества. Для Кирилла эта фраза – установление гармонии с приятными ему людьми. Если мы с внуком долго не видимся, объясняемся в любви каждые пять минут.

Прошлым, две тысячи девятого года, летом переселялись на дачу, Кириллу три с половиной года. Семья у нас большая. Если без гостей садимся за стол, то на десятерых накрываем. Надо было купить продукты. Рынок в ближайшем городке. Я заготавливаю сумки, муж таскает их в машину. Мясной отдел,

где я скупаю оптово и для людей, и для собак.

– Бабушка, я люблю тебя! – говорит Кирюша.

Мы с ним еще до конца не можем поверить своему счастью – предстоящим четырем месяцам на даче.

– Я тебя тоже обожаю, мой любимый! – отвечаю я и прошу продавщицу: – Десять килограммов куриного фарша для животных.

Она смотрит на Кирилла будто на чудо природы. Минуты, точно в трансе, достает один за другим из холодильника пакеты с фаршем и выкладывает передо мной.

Рыбный отдел. Сценарий повторяется. Уже куплено рыбное филе четырех видов, тушки морского окуня и трески. Остались крабовые палочки и консервы.

– Бабушка, я люблю тебя! – громко произносит Кирилл.

– И я тебя люблю, мой ненаглядный.

Продавщица роняет из рук консервы. А потом, опомнившись, пытается дать «такому хорошему мальчику» селедку бесплатно:

– Пусть покушает, умничка, она слабосоленая.

Бакалейный отдел и хлебный киоск пропущу. Закупаем овощи. Естественно, мешками – картофель, лук, морковь, свеклу, капусту. Хилые ранние овощи и фрукты – килограммами. У продавщицы лицо трусливой воровки – из тех, что мелочь из кармана вытащит, а украсть миллион побоится.

– Бабулечка, я люблю тебя! – говорит Кирюша, у которого уже десять минут не было возможности выразить свои чув-

ства, потому что бабушка торговалась.

– И я тебя, мое солнышко!

Продавщица на чистом глазу пытается меня обвесить, отвлекая вопросом, заданным с притворно-участливым видом:

– Внук у вас недоразвитый, да?

– Напротив, очень развитый ребенок. И я сейчас верну все покупки, потому что вы беззастенчиво мухлюете с весами и калькулятором. Есть предел наглости, на который я способна закрыть глаза, но этот предел вы перешагнули.

– Бабушка, я очень люблю тебя!

– Куколка моя! – присаживаюсь и обнимаю внука. – Ты мой драгоценный! Бабушка тратит время на ерунду и глупости вместо того, чтобы с тобой разговаривать.

Овощная продавщица пересчитывает общую сумму. Кажется, все куплено.

– Кирюша, свет моих очей! Зайчик, солнышко, кормилец! Ты хочешь, чтобы бабушка купила тебе здесь, на рынке, игрушку?

– Хочу.

– Какую?

– Пистолет или автомат.

– О! – только и могу я произнести.

Галя решительно против милитаристских игрушек. Чем позже появятся они в Кирюшином обращении, тем лучше. Откровенно говоря, на даче в кладовке у меня уже припасен автомат, сверкающий при надавливании на курок и разгова-

ривающий утробным голосом: «Есть! Убит! Ха-ха-ха!» Но ведь звук можно отключить. Переключаю внимание Кирюши на большой грузовик. Надо ведь песок навозить в песочницу.

На даче работают таджикские рабочие, мостят дорожки из тротуарной плитки. Все они деликатные, спокойные и приятные люди, но одного молодого человека Кирюша особенно выделяет, с ходу запомнил, как его зовут.

– Улугбек! – обращается Кирилл к рабочему, который в данный момент катит тяжело груженную тачку с гравием.

– Да, Кирилл?

– Я тебя люблю!

Улугбека точно подстреливают, он дергается, тачка вихляется, гравий сыпется на землю.

Почему наивное проявление чувств нас шокирует? Испытывая явный недостаток нежного внимания со стороны окружающих, получая это самое внимание, мы впадаем в ступор.

Улугбек постепенно привык к манере моего внука выражать свое отношение к людям, которые нравятся. И стал отвечать все свободнее и свободнее.

– Улугбек! Я люблю тебя!

– И я тебя люблю! – широкая радостная улыбка. – Хочешь, на тачке покатаю?

Проводив родных и друзей, мы, наконец, остались на даче

с Кириллом вдвоем. В первую же ночь он шмыгнул ко мне в спальню:

– Бабуля, я с тобой чуть-чуть-чуть полежу?

Когда ему хочется подчеркнуть, усилить свою мысль, Кирилл повторяет слово, которое ему кажется самым важным.

И не дождавшись согласия, ныряет под одеяло, ползет к моей подушке.

– Давай никогда-никогда, – шепчет он, – никогда-никогда-никогда не уезжать с дачи и жить тут с тобой всегда-всегда-всегда?

– Хорошо, но в Москве у тебя столько прекрасных игрушек. Если ты без них заскучаешь или без мамы и папы, – говорю я, сознавая, что последовательность выстроила неверную, – поедешь домой.

– Договорились. Бабулечка, дай мне свою ручку, я каждый пальчик поцелую.

– А ты мне свою дай...

И вот лежим мы, целуем друг другу пальчики. Я понимаю, что зависла в счастливом небытии, в точке наивысшего блаженства. И мне ничего, ничего-ничего-ничего больше не надо. Ведь через год-два все изменится. Кирилл будет становиться все строптивее, непослушнее, своевольнее, будет испытывать нас на прочность, отвоевывать независимость и выкидывать фортели. Точно как его отец и дядя. И фраза: «Я тебя люблю» – пропадет, заморозится, чтобы растаять в другие времена.

Бить или не бить

Как и большинство людей, я ругаю телевидение. Как и то же самое большинство, периодически его смотрю. Мой любимый канал – «Культура». Не только мой, понятно.

Однажды моя подруга уезжала в отпуск и давала инструкции другой нашей подруге, которая будет присматривать, выгуливать Пьерошу – крайне энергичного и шаловливого пёсика.

– Когда уходишь и Пьероша остается один, запри его, пожалуйста, в гостиную, проверь, чтобы дверь захлопнулась и не распахивалась от его бросков. Включи ему телевизор, канал «Культура».

– Обязательно «Культура»?

– Обязательно! Другие каналы Пьерошу сильно возбуждают, и он может погрызть мебель.

Вот и на меня реклама действует точно государством разрешенные пытки над здравым смыслом, эстетикой и хорошим вкусом. Иногда меня приглашают на ток-шоу «Культурная революция». Темы бывают острыми, подчас – провокационными. Однажды предстояло обсудить проблему физического наказания детей: бить их или не бить. Я ехала на запись передачи и терзалась: предстану садисткой, замаскированной под милую даму. Вы говорите, что детей надо бить? Кошмар! Каково же было мое удивление, когда обнаружи-

лось, что мою точку зрения разделяют достойные люди, совершенно не похожие на извергов.

Физическое наказание не может быть нормой, ежедневным ритуалом, платой за «двойку» в школе, за разбитое футбольным мячом соседское окно или выбросом родительских эмоций, не имеющих никакого отношения к поступкам ребенка. Тургеневу очень повезло, что его сумасшедшая мамаша, наказывавшая розгами своих детей и дворню впрок, не смогла убить сыновний талант, хотя и испортила будущему писателю психику изрядно.

Лупить ребенка до пяти лет – форменное изуверство. После пятнадцати – бессмысленно.

Когда Митя в последних классах школы напился и закурил сигарет и папа притащил его домой в третьем часу ночи, я уже дошла до умопомрачения – колотила Митю кулаками, не разбирая, где нос, а где торс...

Он стоял, принимал мои удары и говорил:

– Мамочка, бей! Только не плачь!

Какой, спрашивается, смысл колотить этого верзилу, находящегося в состоянии алкогольного опьянения и табачного отравления?

Но между пятью и четырнадцатью мальчишескими годами наступает период, когда они испытывают себя и мир, когда они совершают поступки провокационные, когда они нащупывают предел допустимого, когда их тянет в запретное. Запретное – это всегда угроза жизни или нравственности. А

родительские предостережения воспринимаются как пустое сотрясение воздуха: это – хорошо, это – плохо, туда – не ходи, этого – не бери. Я сам разберусь. Или, по крайней мере, попробую разобраться.

Порка ремнем номер один случилась, когда они отправились в бега.

Ранняя теплая весна, Никите семь лет, Мите четыре года. Мы снимаем квартиру у черта на куличках, в Загорье, – от метро сорок минут на автобусе добираться. Зато рядом прекрасный лесопарк. И три автобусные остановки до станций электричек Бирюлево-товарная и Бирюлево – пассажирская. Приезжаем после работы, на маме лица нет. Она разрешила им немного погулять на улице, но мальчики пропали. Она их звала в окно традиционным: «Никита, Митя, домой!» – нет детей во дворе. Выходила на улицу, обошла детские площадки – нет внуков.

Следующие три часа мы с Женей нарезали круги по району. Мама стояла на балконе, и при очередном нашем возвращении на исходную позицию мотала головой: дети не пришли. Вокруг велось строительство жилых домов, и Никита уже получил травму пальца, играя на стройке. К счастью, только ноготь посинел, а потом слез, пальца Никита не лишился. В Бирюлевском лесопарке, по слухам, маньяки под каждым кустом сидят. Я оббегаю стройки, Женя утешит лесопарк – кругами носимся, периодически за бегая во двор.

Мама по-прежнему стоит на балконе и мотает головой, детей нет.

Три часа подобных упражнений способны нагнать парализующего страха даже на меня – особу, не склонную к панике и проявлению излишних эмоций.

Стоим под балконом, Женя обнимает меня и говорит про милицию, куда мы сейчас обратимся. Муж никак не может погасить лихорадочную дрожь, которая сотрясает мое тело, будто подключенное к высоковольтной сети.

И тут они появляются. Выплывают из арки между домами. В шортиках и симпатичных футболочках. В руках у каждого эскимо на палочке, наполовину уже облизанное, и газеты под мышками. Весело болтают. Вполне живые, совершенно здоровые и довольные.

Лихорадка моя прошла мгновенно. Повторюсь с электрическим сравнением: будто отключили от линии энергоснабжения, рубильник опустили. Но голова-то еще не заработала. И первое, что я сделала: протянула руки, вытащила газеты, прочитала их названия.

– «Известия», «Правда». Где вы их взяли?

– Купили.

– Зачем, ведь мы эти газеты выписываем?

У Жени период счастливого ступора был гораздо короче. Он заехал по эскимо (наверное, метил по мордашкам, но удержал себя), недоеденное мороженое улетело далеко в сторону, схватил сыновей за шиворот, поволок в подъезд. Ни-

кита и Митя едва касались пяточками ступенек, когда транспортировались в квартиру.

При этом Женя умудрился за время скачек до третьего этажа и попутных встрясок выбить из сыновей ход предшествующих событий. Потом я выпытала и подробности.

Они решили отправиться в путешествие. Дальние страны и приключения всегда манили Никиту. Естественно, что старшенький был инициатором побега. Митя по ревности характера никогда не желал отставать.

Начали они с автобусной остановки. Где побирались.

Замечу, что до эпохи повального нищенствования, до беспризорников и стай бродячих собак, до актеров всех мастей: от «мы сами не местные, на вокзале ограбили» до «помогите больному ребенку на операцию» – оставалось еще добрых десять лет. Запас народного милосердия еще не начал тратиться и уж тем более не перешел в фазу откровенного раздражения: «что врете и за дураков нас держите?», «парень, может, ты и в Афгане ноги потерял, а не свалился пьяным под электричку, но руки-то у тебя целы и голова на плечах, а побираешься», «девушка, выходя на промысел, хоть бы маникюр не наводила – у несчастных матерей не бывает таких ногтиш».

Что касается Никиты, то ларчик просто открывался: мы как-то обсуждали с мужем статью в иностранном журнале про технологию попрошайничества, вспоминали смутные картины детства: по проходу трамвая катит на деревянной

тележке с подшипниками безногий калека, инвалид войны, просит добрых людей помочь, кто чем может, пострадавшему на фронте. Потом калеки-инвалиды-попрошайки исчезли. Неужели приют на острове Валаам смог всех уместить?

Никита намотал на ус полезную информацию. И на автобусной остановке рассказывал, что мама его в больнице, а папа пьет водку и каждый день бьет их, что они с братиком хотят поехать к бабушке, которая тоже больная, но будет их кормить. Принять моих детей, хорошо одетых, за голодных сироток? Но факт остается фактом: народ отвалил им столько денег, что карманы шорт разбухли от серебра и меди. Разбогатеть оказалось очень просто.

К нашему счастью, на железнодорожной станции Бирюлево мальчики заплутали в подземных переходах и в выходах на платформы. Им все время попадалось «На Москву» и «На Москву», что никак не соответствовало идее настоящего путешествия. Денег у них было предостаточно, на автобусе поехали до «Коломенской», где мы раньше жили в съемной квартире и где находился их первый детский сад. Обошли его по периметру, вспомнили девочку Настю, которую все ребята рвались катать на санках, потому что Настя с родителями недавно вернулась из-за границы и расплачивалась с «тягловой силой» жвачками. Никита сказал, что несколько раз переворачивал Настю в сугроб, а Митя заявил, что, не дождавшись своей очереди, просто заехал Насе по башке, чтоб не воображала. Тогда воспитательница, кстати,

на Митю накричала, а бедную Настю пожалела, ничуть не озаботившись барскими утехами девочки. Настины родители подмазывали персонал детского сада импортной дребеденью, вроде ярких пластиковых пакетов.

У станции метро Никита и Митя с важным видом подошли к газетному киоску, один купил газету «Правда», другой – «Известия». Названия привычные слуху, ведь бабушка и папа постоянно обмениваются: «Женя, ты прочитал “Известия”? Я возьму?» – «Конечно. “Правда” на столе в кухне, Александра Семеновна».

Подкрепились пончиками, мороженым. Спустились в метро, купили жетоны – все как взрослые, денежные, самостоятельные. Вышли на станции «Царицыно». Там по периметру площади десятки автобусных маршрутов, развозивших людей по московским окраинам. Опять-таки, к нашему счастью, ребята знали, где наша остановка и на автобус с каким номером надо садиться. Время для детей летит быстро, им казалось, что отсутствовали недолго, что бабушка не заметит, как ушмыгнули со двора, что вернутся домой до прихода родителей как ни в чем не бывало.

Гнев (точнее сказать – испуганная ярость) отца был нешуточным. Выдергивая ремень из брюк, Женя орал, часто повторяя глагол «узнаете»:

– Вы узнаете, как убегать из дома! Вы узнаете, как побираться! Вы узнаете, где раки зимуют! Вы узнаете, как маму и бабушку доводить до валерьянки!

Первым экзекуции подвергся Никита, с которого рывком были содраны шорты так, что оголилась нежная детская попка. Я закрыла глаза, потому что вмешиваться было нельзя. Женю трясло от гнева. Женя очень сильный физически и спортивно развит. Когда мы учились в университете, его просили выступать за честь факультета журналистики на всех соревнованиях: от легкой атлетики до лыжных кроссов.

Хлоп! Жуткий удар. Хлоп! Потихе, но Никита заойкал.

Открываю глаза, чуть не падаю в порыве остановить мужа-изувера. То есть посылаю тело вперед, но вовремя торможу.

Женя бил через раз. Хлоп (изо всей мочи) – по столу, хлопок – по Никите (с минимальной силой). Со стола полетели книжки, грохнулась настольная лампа, но Никита нисколько не пострадал.

В качестве повторяющегося звукового сопровождения при каждом «хлоп!» теперь выступал глагол «запомните».

Женя кричал:

– Вы запомните, как удирать из дома! Вы запомните, как прикидываться нищими! Вы запомните, как газеты покупать!

Женин гнев клокотал недолго. Пришла очередь младшего, Мити. Папа выдохся. Потряс перед Митиным носом кулаком и ремнем:

– Ты понял? Следующий раз тебе еще больше достанется! Живого места на заднице не оставляю!

– Да, папа, я понял.

– Скажи, что следующего раза не будет, – тихо подсказала я.

– В следующий раз, папа, мы...

– Митя! – прошипела я.

– По стенке размажу, – размахивал Женя ремнем в воздухе, – и маме с бабушкой соскребать не разрешу.

– Митя! – толкнула я сыночка в спину, мол, правильный текст надо произносить.

– Следующего такого раза не будет, папа!

Мы посчитали воспитательный момент законченным. Навивно полагали, что одно битие навсегда ликвидирует страсть к бродяжничеству. Но хоть на несколько лет ее отбили – в полном смысле слова отбили.

Возможное мнение: наша реакция на побег сыновей была чрезмерной, мы перетрусили, мы гасили их самостоятельность, без которой мужчины вырастают безвольными нюнями. Мальчик, который не рисковал своей жизнью в детстве, превратится в бесхребетного слюнтяя, даже при замечательных внешних данных, этакий лев с сердцем кролика. Мнение вполне разумное. Добавлю: девочкам тоже полезно на пике испытаний познать свои возможности.

Именно таким было наше с мужем детство. Я родилась и выросла на востоке Украины, в Донбассе, в городе Кадиевка Луганской области. Женя родился в Ленинграде, он насто-

ящий питерский, школу заканчивал в родном городе. Но в промежутке от первого до девятого класса жил в провинции. Отец Жени был военным, и они переезжали из одного гарнизона в другой, большей частью – по Заполярью. Словом, и я, и муж росли уличными детьми. Нас выпускали утром после завтрака на волю, требовалось показаться дома, чтобы пообедать. Но иногда мы не прибегали обедать, если «войны» затягивались, если забывали о времени, строя землянки, сплавляясь на самодельных плотках по бурным весенним речкам, обчищая сады с вырвиглаз-кислыми, но вожаденными яблоками, играя в футбол и вышибалу, заготавливая камни для нападения на банду из соседского двора, подглядывая в женскую баню (в мужском отделении смотреть было не на что, все дядьки похожи на горилл), да и просто разговаривая о страшном – о гробах, которые ночью тарахтят по темным улицам, о восставших мертвецах, привидениях и прочих скелетах. Мамы, в общем-то, не слишком переживали из-за нашего отсутствия в обед. У мам и бабушек была налажена громкая связь через окна: «Твоего нету? И мой где-то носится». Когда вся компания отсутствует, повода для волнения нет.

И вот теперь мы с Женей решительно пресекаем желание сыновей пуститься в свободное плавание. Со всей родительской яростью пресекаем. Не потому, что хотим уберечь от опасности, а потому, что опасности переменялись. Если бы жизнь катила с прежней неспешностью, если бы мы жили в

провинции времен нашего детства – да гуляйте, сколько хотите! Ведь самым проще – утром выпустил, вечером поймал, отмыл грязнулю, отругал, накормил и отправил спать. Но мы живем в мегаполисе, рыскать по которому – только навыки беспризорника приобретать.

Второй раз их наказывали ремнем за воровство денег. Обнаружилось оно почти случайно. Бабушка Саша с Митей пошли в магазин купить томатную пасту. Банка пасты стоила тринадцать копеек. Моя мама, высыпав на ладонь мелочь, откладывала перед кассиршей: пять копеек, три копейки, две монетки по копейке, пальцем разгребала монетки, чтобы найти достоинством в три копейки...

Мите (пятилетнему) надоело:

– Бабушка, что ты возишься! Вот!

Вытащил из кармана красную десятирублевую купюру с портретом Ленина и бухнул на прилавок. Мама и кассирша дружно ахнули.

Немая сцена. Митя пожимает плечами:

– Тетя, нам сдачи девять рублей восемьдесят семь копеек.

– Хорошо считает, бандит подрастающий, – сказала кассирша.

Мама приходит в себя, быстро расплачивается, забирает червонец, волочет Митю к выходу, не обращая внимания на комментарии кассирши и людей из очереди про то, что воры – они врожденные, в семь лет уже видно (Митя обманул

публику своим большим ростом и математическими способностями), родители у мальчика, наверное, по тюрьмам ошиваются, коль на бабушку бросили...

Дома мама проводит предварительное расследование, вытрясая из Мити подробности воровства.

Подробности заключаются в часто повторяемом вопросе: – Почему Никите можно, а мне нельзя?

Час от часу не легче! Выясняется, что Никита брал деньги, чтобы купить марки у приятеля, который хвастался своими классерами.

Денег нам всегда не хватало. Подчас – катастрофически. Но почему-то деньги мы не считали. Получил зарплату – положил в заветную коробку из-под гаванских сигар. Мама, я и муж брали из коробки по мере надобности. Надобности не кончались, а деньги таяли быстро. Подчас выворачивали карманы, искали завалившиеся монетки на дне сумок, чтобы наскрести на проезд в метро. Но, повторяю, учета поступлений и расходов не вели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.